

РУССКАЯ ИМПЕРСКАЯ ФАНТАСТИКА

Александр

Афанасьев

ОГОНЬ С НЕБЕС

ОТЯГОШЕННЫЕ ЭПОМ

Бремя империи

Александр Афанасьев

Огонь с небес

«ЭКСМО»

2014

Афанасьев А. Н.

Огонь с небес / А. Н. Афанасьев — «Эксмо», 2014 — (Бремя империи)

ISBN 978-5-699-72978-4

2017 год. Российская Империя, недавно разгромившая в мировой войне своего многовекового соперника – Великобританию, находится на пике могущества. Но и – на грани краха. Заговорщики, проникшие в святая святых Империи, готовы взорвать страну ради собственных амбиций и тяги к власти. На пути зловещей Черной Гвардии встает адмирал князь Воронцов. Судьба Отечества – в руках достойнейшего из его сынов, но может ли один человек противостоять могущественной и глубоко законспирированной организации, планомерно идущей к своей цели?

ISBN 978-5-699-72978-4

© Афанасьев А. Н., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	44
-----------------------------------	----

Александр Афанасьев

Отягощенные злом. Огонь с небес

Жизнь в мгновенье пройдет, не вернуться назад,
День на небе зажжет свой последний закат,
Вспомни пройденный путь, и ты вовсе не рад,
Мысль как острый кинжал – нет дороги назад.
Нет дороги назад, все, что ты не успел,
То тебе не сказать, ведь всему есть предел,
Все, что ты потерял, то уже не найти,
Нет дороги назад, шепчет голос в ночи.
Ты остался один, ты остался один
В долгой страшной ночи,
Вихрь жизненных бурь все ж обратно манит,
Нет дороги назад – все в ночи замолчит.
Нет дороги назад, все что ты не успел,
То тебе не сказать, ведь всему есть предел.
Все, что ты потерял, то уже не найти,
Нет дороги назад, шепчет голос в ночи.
Ты остался один, ты остался один,
В долгой страшной ночи...

Нет дороги назад Т. Муцураев

Ночь на 03 марта 2017 года. Санкт-Петербург

Время еще есть...

На набережной уже была пробка, старый Петербург, а особенно на островах, к такому движению не был приспособлен. Было холодно. Усталые и злые дорожные полицейские регулировали движение...

– Проезжай, проезжай. – Увидев притормозивший «БМВ», полицейский раздраженно постучал жезлом по крылу.

Я опустил стекло.

– Извольте ознакомиться, сударь...

Многие дорожные полицейские, да и не дорожные тоже, в полицию идут из армии и с флота. А у меня при себе была моя офицерская карточка...

Полицейский посветил встроенным в рукоятку жезла фонариком, козырнул:

– Извините, Ваше Высокопревосходительство, не признал...

– Что случилось? «Скорая», смотрю...

– Так точно-с... На дом эмира Бухарского нападение было, бандиты какие-то. Не успели, сейчас ищут. Супруга Его Высочества при смерти. – Полицейский поименовал Алишу привычным для себя образом, как и супругу Наследника Российского.

– А сам Наследник?

– Мертв, Ваше Высокопревосходительство. Убит наповал.

Я перекрестился.

– Я знал его. Царствие небесное...

Значит, Сноудон не соврал. Поразительно для англичанина.

– Царствие небесное. – Полицейский тоже перекрестился. – Видать, хороший человек был. Многие спрашивают...

– Многие? – я моментально заподозрил неладное. – А кто еще?

– Да был тут один полковник... из штаба округа... тоже соболезновал.

Времени играть уже не было. Я достал сотенную купюру, сложил вдвое.

– Кто? Удостоверение показал?

Полицейский посмотрел на купюру, затем на меня.

– Покорнейше прошу простить, не припомню-с... Хоть убейте.

– Но из штаба округа?

– Так точно-с... карточка у него была. Как у вас. Полковник званием...

Не послать ли нам гонца...

– Как выглядел?

– Среднего роста, усы. В цивильном был, ваше благородие, не в форме.

– Авто? Пеший?

– Никак нет-с, на авто. Бежевый «Рондо-Купе», последней серии, в номере три и две семерки. Это мы всегда помним...

Понятно, дорожный полицейский.

Я протянул купюру.

– Кончится смена – помяните покойного...

– Дай вам Бог здоровья, Ваше Высокопревосходительство.

Какое здоровье, тут выжить бы...

Тронул машину, лихорадочно просчитывая варианты на ходу – хотя какие тут варианты, тут для начала не влезть бы куда, движение из-за пробки как кисель, мосты разведены. Из штаба округа... это вселило в меня некоторую надежду... на герметичность заговора, так сказать. Если послали из штаба округа – значит, у них под рукой на тот момент не было ни одного полицейского, ни одного человека из служб безопасности. Полицейского или спецслужбиста, который не стал бы «поминать» на мосту – а просто прошел бы в дом, показал бы удостоверение и узнал все, что нужно, и даже больше. Это значит, что заговор не так широк, как может быть, и в нем только офицеры – скорее всего, гвардии, – решившие, что настал их час.

Эх, офицеры, мать вашу. Вы же присягу давали. Воруете, теперь еще и злоумышляете. Что же вы так-то...

На память вспомнил нужный телефон, натыкал на неудобной (какой идиот виртуальную клавиатуру придумал?!) клавиатуре коммуникатора номер телефона Ахметова – человека, которого я знал в МВД. К Путилову нельзя, его первого нейтрализуют, да и доверять ему не особо можно. А вот МВД – другое дело, это жандармерия. Сейчас самая серьезная сила в Петербурге после флота и гвардии – это МВД. Конечно, всех полицейских не хватит, чтобы остановить полк спецназа, но полки спецназа далеко – они на юге, а полиция – здесь. И неплохие антитеррористические подразделения у них тоже есть.

– Ахметов...

Сердце пропустило удар – не спит. Почему не спит? Работы много? Или обсуждает с кем-то внезапно поменявшиеся планы на завтрашний день?

– Здравия желаю, Воронцов.

Секундная заминка – уже лучше. Если он в заговорщиках, он бы не вспоминал, кто я такой, моя фамилия была бы у него на слуху.

– Ах да. Помню. Я полагал, вы на югах, сударь...

– В городе проездом. Нам нужно встретиться и переговорить тет-а-тет. Немедленно.

– В два часа ночи, сударь?

– Да, сударь, срочное и не терпящее отлагательств дело, связанное с эмиратом Бухарским, точнее – с наследником эмира Бухарского.

– Дело? А что с ним?

Я внезапно понял, что Ахметов не один, и те, кто у него сидит – он не хочет, чтобы они понимали, о чем идет речь.

– Он убит. Сегодня вечером. Неизвестными.

Если не знаешь – делай вид, что знаешь.

...Те люди, которые сейчас у вас, могут быть причастны к этому. Даже наверняка причастны. У них общие дела – как думаете, какие?

– Я... вас понял, сударь. Но, к моему сожалению, я сейчас несколько... не свободен. Если возможно, перезвоните завтра... на работу... с самого утра. Мы договоримся... об аудиенции...

Значит, он не на работе. Как бы сказал поручик Ржевский юной Наташе Ростовой – намек понял...

– Я вас понял. Я позвоню вам домой и постараюсь узнать ваше местонахождение. Потом я приеду. Если можно, задержите их.

– Да, хорошо. Договорились. До завтра...

Твою мать! Ненавижу плестись в хвосте событий! Тот, кто реагирует на события – уже наполовину проиграл.

Свернул к обочине – тут движение уже было позволительным, а говорить по телефону и вести машину я уже не мог.

Вышел в Интернет – зря, что ли, оплатил безлимит? В городской телефонной книге нашел домашний Ахметова, кроме домашнего был только один телефон – приемной. Префикс станции – пятьсот пятьдесят три – указывает на станцию правительственной связи. Сведений о владельце номера тоже мало: Ахметов Ф.Ф., тайный советник...

Надеюсь, Ксения, ты простишь меня за это.

– Алло... – голос заспанный, понял – хозяйка.

– Покорнейше прошу простить за поздний звонок, сударыня. Господина Тайного советника пригласите к телефону.

– Но... его нет.

– Сударыня, он нам срочно нужен. Телефонировать Зимний. У нас чрезвычайная ситуация.

Думаю, на телефоне постоянного товарища министра внутренних дел такие звонки не редкость. И надеюсь, что спросонья дама не посмотрит на определитель.

– Господи... он поехал в Парголово, на дачу... когда это все кончится...

Ясно: лодка любви наткнулась на мель повседневности. Среди чиновников, занимающихся вопросами безопасности, количество тех, у кого за плечами хотя бы один развод, либо не состоящих в браке – семьдесят процентов.

– Покорнейше прошу простить, сударыня, мы пошлем машину. Не сообразовали ли напомнить номер дачи...

Женщина сказала номер дачи и бросила трубку.

Бинго... – как говорят североамериканцы, когда выигрывают миллион долларов в лотерею...

Теперь надо было разобраться с оружием.

У меня было пять пистолетов и револьвер, но ни одной снайперской винтовки или пистолета-пулемета, которые могут пригодиться. И оружейные закрыты, как назло – а до утра не ждет...¹

¹ Для наших времен эти слова выглядят дико. А вот князь Воронцов, вероятно, сильно удивился бы тому, что офицер не может купить пистолет для ношения вне строя, что в полиции оружие выдают только на задержания, что на людей, желающих купить оружие, смотрят, как на потенциальных убийц. Он просто не понял бы, как такое вообще возможно – ведь в Российской Империи было принято доверять людям, а не подозревать в дурных помыслах без всякого на то основания. Так что – если бы это была не ночь, а день – князь спокойно пошел бы в оружейный магазин и по своему офицерскому удостоверению купил

За неимением гербовой – пишем на простой.

Армейская «беретта», тяжелый охотничий револьвер, миниатюрный «НАА», офицерский «кольт» и два германских «сиг-зауэра» с магазинами повышенной емкости. За неимением кобуры – «НАА» я сунул в носок, револьвер перезарядил патронами «45 кольт-револьверный» с плоской головкой – они охотничьи, кладут сразу и насмерть. Дозарядил «беретту», она была моя, и к ней были патроны и запасной магазин – в таком комплекте она продавалась. Она и будет основной. Длинный, тяжелый и точный пистолет, построенный не на схеме «браунинга» – потому он точнее. И пятнадцать патронов в магазине. «Кольт» – будет на всякий случай... пусть лежит в машине, под сиденьем. Вот... так, и сверху заложу. Офицерский «кольт» в бардачок, толка от него мало, как и патронов. Оба германских «сиг-зауэра»... стоп!

Мне вдруг пришла в голову мысль, что из одного из этих пистолетов только что было совершено убийство. И я, имея этот пистолет при себе, являюсь идеальным подозреваемым. Хуже того... если графу Сноудону придет в голову сыграть со мной по-настоящему злую шутку, на какую англичане великие мастаки, то это несложно будет сделать: анонимный звонок в полицию, описание меня и машины – а машину он видел; меня задерживают с шестью пистолетами в машине, в том числе и с тем, из которого совершено убийство. Полицейский, конечно, опознает доброго барина, который дал ему сто рублей на поминки покойного, а полицейские из Бухары припомнят, что у меня с покойным было небольшое собеседование по вопросам чести, касающееся Люнетты. И вот я уже главный подозреваемый в крайне неприятном деле об убийстве, в котором против меня все улики. Еще та девчонка у дома... когда я подстрелил этого британского шутника – она могла видеть и меня, и мою машину. И что мне было тогда делать? Стрелять в нее? Объяснять, что сей подстреленный мною субъект – британский шпион?

Хорошая мысль всегда приходит опосля.

Проверил, из какого пистолета стреляли – сделать это было нетрудно: запах пороха и нет двух патронов. САС стреляет двойками – их типичный почерк, мы стреляем одиночными, потому что патроны приходится носить на себе. Подумал – это все-таки доказательство в деле об убийстве... но эта мысль погасла, как свеча на ветру, едва появившись. Лично мне покойный ни разу не был симпатичен, и не только по причине нашей личной стычки, но и по причине того, что сказал граф Сноудон относительно последних минут жизни Наследника. Я ему поверил – просто потому, что долго пробыл на Востоке и знал, что там может происходить, а британцу выдумать такое просто не под силу.

Так что извините, Ваше Высочество, наследник эмира Бухары, но, похоже, ваше убийство останется нераскрытым.

Достал магазин – пусть будет запасным, лишним не будет, дозарядил его двумя патронами из пачки, которую купил для «беретты». Сам пистолет разобрал, благо разбирается он, как и все пистолеты конструкции «браунинга». Вышел – и скинул ствол в сливную решетку. А остальное выкину по дороге в Парголово из окна, предварительно протерев салфеткой...

Князь Воронцов снова был прав – Ахметов был не один, и у него были именно те люди, о которых он думал. Они пришли к нему, потому что несменяемому товарищу министра внутренних дел напрямую подчинялось Управление Санкт-Петербургской сыскной полиции, два полка жандармерии, расположенные вокруг города, и так называемое «Управление СМ» – силовых мероприятий. Сделано это было – специально под Каху Несторовича Цакаю – как возможный противовес влиянию и возможностям министра. Министр внутренних дел – человек более публичный – контролировал все, кроме самого главного – столицы. А потом, когда Кахи Несторовича не стало, решили ничего не менять...

Проблема была в том, что Ахметов не поверил этим людям с самого начала. Не поверил несколько дней назад, когда они вышли на него, явно прощупывая почву. Не верил и сейчас, когда они явно намеревались добиться своего любой ценой.

Ахметов был татарин по национальности, но – в этом гвардейцы просчитались – он был хуже любого русского в том смысле, что склонить его на переверот было просто невозможно. Предложить ему пост министра – было верхом идиотизма, на какой способен только гвардеец, военный, служащий при дворе и ни черта не знающий о реальной расстановке сил в МВД, станом хребте российской системы безопасности и контрразведки. Министр – человек публичный. Он назначается и смещается Его Величеством без каких-либо консультаций, но по факту, Его Величество не сможет держать на посту министра, например, человека, который восстановил против себя все Санкт-Петербургское общество. И не потому, что есть процедура отзыва министра Думой или отставки правительства голосованием в Думе, а потому, что Его Величество – тоже человек. Несмотря на практически безграничную власть, он, как обычный человек, живет в обществе, общается с его представителями, вынужден к нему и прислушиваться. Потому министр – фигура политическая, а всю грязную работу выполняет мало кому известный несменяемый товарищ министра, который до восьмидесятого года руководил таким одиозным органом, как Особое совещание². Эти должности (несменяемые товарищи министра иностранных дел, внутренних дел, военного, военно-морского министров, премьер-министра и министра финансов) были введены в конце десятих годов после того, как произошли несколько расстрелов рабочих на фабриках, была кровью подавлена революция в Иваново и просвещенно-либеральная общественность, подзуживаемая из-за рубежа, перенесла всю тяжесть своего ядовитого презрения. По факту, власть тогда сделала гениальный ход, разделив ответственность в ключевых министерствах, подставив политиканов или просто дворян – которые имели крепкие нервы и которым было плевать на общественное мнение – под огонь, при этом выведя из-под огня профессионалов, которые и делали работу. Каждый из несменяемых товарищей министров – это было обязательное условие – рос ступенька за ступенькой в самом ведомстве, знал его от и до. Не исключением был и Ахметов: во время массовых беспорядков 1992 года он был полицеймейстером Казани и навсегда запомнил то, что там происходило. Понял истинный смысл слов «бунт», «мятеж», «народное возмущение». Он был типичным татарин – туповатым, но упорным, твердым как камень, из тех, кто вгрызается и уже не отпускает, знает мало, но именно то, что нужно. Русские не такие – они более порывисты, мечтательны, их можно соблазнить предложением «встать за правду». Татары же обеими ногами крепко стоят на земле, и в этом их сила.

Сейчас же... по факту, эти идиоты предложили ему перейти с практически непотопляемой должности теневого управителя министерства на свет, точнее – под огонь. Причем разговор шел так, что Ахметов реально понимал – к закону и положенному порядку престолонаследия задуманное имеет очень отдаленное отношение.

И их было трое, а он был один. Все они смотрели на него, и важно было ничем – ни словом, ни намеком, ни жестом – не дать понять, о чем был разговор.

Воронцова он помнил, и помнил о нем самое главное: выходец из спецназа, приближенный ко Двору.

Он нажал на кнопку разъединения и положил телефон на стол.

– Кто звонил? – спросил один из гостей.

– По работе. Расследуется одно сложное дело.

² Предтеча Особого совещания – НКВД. Правда, опыт этот, в отличие от времен товарища Сталина, не тиражировали по всей стране и права приговаривать к смертной казни не давали, не додумались и дела альбомами рассматривать. Это был реально существовавший и в нашем мире внесудебный орган, имевший право приговорить без суда к лишению свободы на срок до 5 лет, потом добавили еще лишение подданства с выдворением. В 1980 году – в рамках общей гуманизации – Особое совещание закрыли. Возглавлял его как раз не министр, а товарищ министра. В год рассматривалось несколько сот дел.

Про себя он подумал, что плохо то, что он сидит у окна. С другой стороны – если его хорошо видно, то можно стрелять так, чтобы пули его не задел.

– ...так на чем мы остановились...

В следующее мгновение один из гостей выстрелил ему в грудь. Грохот оглушил всех, запахло дымом и кровью.

– Ты что творишь! – заорал второй, вскакивая с края кофейного столика, на котором он непринужденно устроился. – С ума сошел?! Ты что сделал?!

– Заткнись!

Тот, кто стрелял, в мгновение оказался у столика, схватил телефон, по которому только что разговаривал Ахметов, когда был жив. Но набрать номер не успел – второй схватил его за грудки.

– Ты что сделал, ублюдок!? Мы так не договаривались! За что ты его убил?!

– Отпусти...

– Ты что творишь, скотина, ты рехнулся?

Пытаясь высвободиться, он ударил своего товарища кулаком в лицо, но тот был выше, сильнее и ударил в ответ так, что тот полетел назад, сшибив столик и разбив вазу.

– Ты чего?!

– Он погубит все дело!

– Заткнись, придурок! – сказал убийца, поднимаясь с пола. – Ты знаешь, с кем он разговаривал?! Знаешь?!

– Какая разница?! За что ты его убил?!

– Не «за что», а «почему». Он дал сигнал тревоги, идиот!

– Какой сигнал тревоги?!

– Не знаю! Но дал! Ты думаешь, у товарища министра нет скрытой кнопки?!

– Но мы ничего не слышали.

– Дай телефон.

Тот, кто совершил убийство, работал по квартирмейстерской части, то есть в военной разведке, а потому знал, что говорит. И для двоих других его мнение по таким вопросам было все же важным.

Убийца взял телефон, посмотрел на список входящих вызовов, конечно же, запомнив номера, потом набрал перевызов последнего номера. Мелодичный сигнал – занято. С этого телефона прямо сейчас куда-то звонили.

– Что?

– Ничего. Это не коммутатор министерства. Это вообще частный номер.

– И что?!

– Он сказал, что звонили по делам. Если по делам, почему не через коммутатор министерства?..

– Господи, кто-то взял свой телефон и позвонил. И ты из-за этого убил человека?

– Да заткнешься ты или нет?

Он и сам был ни в чем не уверен. Но признаться в этом не мог. Просмотрев список предыдущих вызовов, кое-что понял.

– Вот. Почему телефон не определен? Человек звонил по работе – номер не определен. И это при том, что включен определитель.

– Уходим? – то ли спросил, то ли предложил третий.

– Нет. Надо посмотреть, кто приедет. Если группа физзащиты – уходим. А если кто-то другой – разберемся. Найди ружье.

– Какое ружье?

– Посмотри. Может быть. Я, кажется, видел там сейф.

Молчун вышел в соседнюю комнату.

– Помоги...

Вместе они устроили Ахметова в кресле-каталке так, что он казался живым. Пуля не разбила стекло, и со стороны казалось, что все нормально.

– Эй!

Молчун вышел из соседней комнаты с «фокстерьером» двенадцатого калибра в руках – обычный выбор для загородных домов. Пять патронов в магазине, сменный ствол – короткий и длинный, на птицу. Для самообороны тоже пойдет – все-таки двенадцатый калибр.

В другой руке были патроны.

– Пятерка, – несколько извиняющимся тоном сказал молчун. – На уток.

Пятерка – всего лишь дробь, причем мелкая. Для охоты на людей нужна картечь. Но ничего другого не было.

– Заряжай и пошли...

На съезде с диаметра я свернул на Гатчину. По нынешним меркам – считай, пригород. Обсаженные деревьями аллеи, парки, дорогие дачи венецианского, баварского, арабского стилей. Недорогих тут уже давно не осталось, недорогие отступали все дальше и дальше...

Ахметов, Ахметов...

Что-то мы расслабились. Стали жить не то что красиво – беззаботно. Если брать двадцатые – у любого, самого захудалого, чиновника был револьвер. И каждую субботу такой вот Акакий Акакиевич ходил в тир, шурился, морщился от дыма и грохота – и стрелял. Потому что студенты – эсеры и коммунисты, эти милые цветы жизни, порывистые и честные, горящие свободой, – ни много ни мало объявили государству войну. Юная бестужевская³ барышня могла, улыбаясь, вытащить из муфточки револьвер и высадить тебе весь барабан в живот, в то время как ты лихорадочно думал, как познакомиться. Это за то, что ее кавалера вчера повесили на Лисьем Мосту за террор. В террор уходили столь же возвышенно-торжественно, как раньше на первый бал в Зимний ехали. Офицеров стреляли, как куропаток, боевики из бывших рабочих, и офицеры стреляли в ответ, маевки расстреливали из новомодных тогда «томпсонов», и совсем не по приказу государства. А сейчас ничего этого давно нет, беспокоит лишь исламский террор, да редкие (но, к сожалению меткие) выходки фанатиков. И вот люди, даже работающие в системе безопасности, начинали забывать, что их работа – это не игра интеллектуалов, и любой человек должен иметь возможность мгновенно и эффективно защититься от простого и грубого физического насилия. А Ахметов это забыл, несмотря на то, что работал, как говорят господа полицейские, «на земле»...

Дачи здесь стояли на улицах, улицы носили имена, дачи были номерными. Дача Ахметова, судя по номеру – третий, – стояла у самого начала улицы. Я нашел эту улицу, начал на нее поворачивать, и в этот момент фары высветили у деревьев слева нечто такое, что мне совсем не понравилось. Не понравилось настолько, что я остановил машину и толкнул дверь, воздавая хвалу Господу, что не забыл отстегнуть ремень безопасности. В следующее мгновение в ночи оглушительно загромыхало, осыпалось стекло и по кузову забарабанила дробь...

Я оказался на земле и в весьма выгодной ситуации: фары «БМВ» слепили стрелка, не давая ему увидеть результат своей стрельбы – он просто стрелял по водительскому месту, потом по пассажирскому. Но он быстро исправился, выстрелив дважды по фарам и погасив их – тем самым он поставил нас уже в равные условия. Впрочем, не совсем – он себя уже выдал стрельбой, а вот я – еще нет...

Из «беретты» я выстрелил семь раз по тому месту, откуда стрелял дробовик, перекатился и вскочил на ноги. В ответ кто-то открыл огонь из пистолета с глушителем, три пули пробили

³ Бестужевские курсы – одно из высших учебных заведений для дам, там готовили спутниц жизни для дворян и высших сановников Империи. Сейчас курсы превратились просто в элитные курсы танцев и этикета, знаний там уже никаких не давали.

то место, где я только что был у машины, затем неизвестный начал бить наугад, простреливая все возможные точки, где я мог быть, – и одна пуля почти попала в меня.

Увидев, как из соседней улицы выкатывается машина, я... бросился бежать. Идиотов нет, что тут произошло – уже понятно, а сколько тут этих... что у них есть – не знаю, и знать не хочу. Но знаю, что сесть играть с шулерами и их колодой – верный проигрыш...

Эх, Ахметов...

Добежал до забора, перевалился через него с ходу – ищи ветра в поле. Брехали собаки, начали зажигаться окна... думаю, охота окончена. Мне в одну сторону, господа, а вам пока в другую...

Прощайте... человек, известный как Иванов. Тогда – я этого не знал.

– Что здесь?! – Выскочивший из машины водитель держал в руках пистолет.

Второй – тот, который и совершил убийство, – тащил к машине тело на плечах, выбивался из сил, но тащил.

– Помоги!

Они свалили тело на заднее сиденье, перепачкавшись кровью. Мертв... четыре пули попали в цель, одна – аккуратно в переносицу.

– Поехали, живо!

Водитель, ни слова не говоря, сел на свое место, выжал газ. Машина покатила по тихой улочке, ускоряясь.

– Направо. И не гони так.

– Что, ко всем чертям, произошло?

– Не знаю.

– Не знаешь?!

– Один человек. Возможно, я его подстрелил. Скорее всего – Воронцов.

– Воронцов?!

– Не ори так. Больше некому. Хорошо то, что он один. Останови.

Они остановились около огромного мусорного контейнера, из тех, которые используются для строительных отходов. Мусоровозы ездили сюда не каждый день, так что контейнеры для мусора тут были именно такими.

– Помоги.

– Ты... рехнулся... – водитель понял, что собирается делать убийца. Тот бросил вытаскивать с заднего сиденья убитого, молча подошел к водителю, хлестнул по щеке. Понятия дворянской чести этим как-то незаметно озверевшим, утратившим человеческое людям были совершенно неведомы, хотя платой за пощечину была дуэль.

– Ты достал меня своими причитаниями! Что ты как баба?! Как будто в Кабуле не убивал!

– Я духов убивал! А ты своих уже мочишь!

– Я его не убивал! Он уже мертв! И ты знаешь, кто его убил. Хуже не будет!

– Ты собираешься выбросить...

– Да, б...ь, собираюсь! А ты думал – как?! Ты думал, что можно сделать такое дело, не замарав своих красивых перчаток?! Во! – Убийца весьма профессионально показал «дулю», принятую в простонародье фигуру из трех пальцев. – Анархисты, когда им надо было, своих только так мочили и в сортире хоронили.

– И чего добились?!

– Так то они. Студенты. Короче – или помогай, или хотя бы заткнись...

Водитель выбрал второе. Молча они перевалили тело в контейнер, закрыли крышку, молча отъехали, как люди, совершившие преступное и предосудительное дело и ненавидящие и себя, и друг друга за это.

Убийца не забыл открыть окна, чтобы проветрить салон и затереть кровь, хотя ее и так было немного, достал из кармана флакончик мужских духов и обильно побрызгал сначала на себя, затем вокруг себя, чтобы заглушить запах в машине...

Когда они выехали на дорогу, по встречке – с мигалками, но без сирен – промчались три полицейские машины. Это значило, что полицейские не знают, скрывается ли убийца или уже скрылся, и потому не желают выдать себя сиренами.

– Останови... – сказал пассажир, увидев пост дорожной полиции.

Водитель притормозил у поста, пассажир вышел навстречу подбежавшему офицеру дорожной полиции, достал свою карточку. Тот вытянулся, козырнул.

– Здравия желаю, господин полковник! Чем могу служить?

– У вас есть связь, братец?

– А как же. Конечно есть.

– Проводи-ка нас. Кто здесь старший по званию, братец? Мы кое-что видели, это может быть очень важно...

Ловить машину было нельзя. Я не знал – разыскивают меня или еще нет...

Едва не став жертвой спущенного на ночь дога, приведя в относительный порядок одежду, через сорок минут я добрался до станции электропоездов Гатчина и дождался электропоезда. На ночных электропоездах люди ездят разные, начиная от падших по внезапной симпатии дам и заканчивая откровенными грабителями и хулиганами, так что в полупустом вагоне я был не самым странным персонажем. Хулиганы тоже были, но на меня внимания не обратили, и правильно сделали...

На Балтийском вокзале, куда прибыла электричка, как и положено, были установлены терминалы, с которых можно было заказать любой билет на любой рейс любого транспорта – очень удобно для путешественников. С такого вокзального терминала я оплатил электронный билет до Верного, а оттуда – до Кабула. Находясь здесь, я ничем и никому не помогу, тем более если буду арестован. А вот находясь в Кабуле и имея под рукой даже несколько десятков верных людей... Кроме того... подсказывает мне мое чутье, что совсем не просто так в заговоре был Наследник Бухарский, совсем не просто так. И известный, пользующийся определенным авторитетом человек на месте, способный выступить альтернативным центром силы.

Пистолеты я не выбросил в ретираду, а аккуратно положил в ячейку хранения, арендованную на максимальный срок – шесть месяцев. Как дело повернется – знает только дьявол, и возможно, они мне еще пригодятся. А не пригодятся – можно будет вернуться, тихо забрать и выбросить в Неву.

Вышел на площадь, постучал по стеклу ближайшего извозчика – приснул немного. На метро, возможно, и быстрее – но в метро камеры...

– Извольте, любезный... – извозчик быстро пришел в себя, – куда господин ехать извозят?

– В аэропорт, милейший. Да побыстрее. Поторопишься – не обижу.

– Сей секунд, господин хороший. Сей секунд...

03 марта 2017 года. Кабул

Вылетев из столицы Империи самым ранним утром, днем я уже был в Афганистане. В Кабуле...

В аэропорту было все спокойно, но я заметил, что рейс на Баграм (а был и такой, летал небольшой турбовинтовой самолет для специалистов) числится как отмененный. Подходить к администратору и спрашивать о причинах я не рискнул. Вместо этого я вышел на площадь, оглядел полусонных от жары усатых нафаров, кликнул такси и приказал везти в центр. В центре города у нас было что-то вроде секретной базы на территории, рядом с бывшим зданием

«Радио и телевидение Афганистана» в охраняемом, так называемом «посольском», квартале. Секретной, конечно, для посторонних, для своих-то секретов не было – просто вывеска на здании обозначала не то, что было на самом деле. Совсем рядом был парк, разбитый на месте взорванного здания МВД Афганистана – он помогал помнить то, что необходимо было помнить каждую минуту.

Конечно же, в этом здании у меня был свой кабинет, как и у всех – только с номером на двери, без присутствия, без секретаря, без адъютанта. Я открыл его своим ключом, закрыл изнутри им же, наскоро проверил – чисто. Открыл сейф, включил машинку для уничтожения бумаг и принялся за дело...

Через какое-то время в дверь постучали.

Оно самое...

Я открыл дверь. Один человек...

Человек был мне знаком, но плохо. Молодой, с бакенбардами по старой моде... почему-то они снова стали входить в моду в последнее время... в форме полковника бронекавалерии... я где-то сталкивался с ним, но мы не были представлены лично.

– Чем обязан? – сухо спросил я, поднимаясь и протягивая руку, но без улыбки.

– Корнеев. Полковник Корнеев.

– А по имени-отчеству?

– Александр Ильич, будьте любезны.

Да... блестят глаза, блестят. Молодой... торжество скрывать не умеет. А надо уметь.

– Мы с вами не представлены, ведь верно?

Молодой человек сел напротив меня

– Верно. Но у нас есть общие знакомые, поэтому я счет нужным... не искать возможности, скажем так.

– Общие знакомые?

– Князь Абашидзе. Я имею в виду господина Аслана Абашидзе, ныне покойного.

Да, дорогой, это ты. Посланник...

– Припоминаю, припоминаю. Отставной генерал-губернатор Междуречья.

– И патриот.

– Ну, чувство патриотизма у него своеобразное... собственно, чем обязан?

– Чем обязан... в общем-то мы хотели просить вас о небольшой помощи.

– Какой именно, сударь?

– Одним днем ранее в Санкт-Петербурге вы убили Саида Алим-бека, ротмистра гвардейской кавалерии. Это прискорбно, но не смертельно, в конце концов, – незаменимых нет, верно ведь?

– Я не убивал ротмистра Алим-бека. Мне кажется, вы злоупотребляете гостеприимством, сударь...

– Убили, сударь, убили. Мне плевать, как и зачем вы это сделали, возможно, даже из каких-то праведных побуждений. Но мы хотим с вами дружить, вы сильно пригодитесь нам в будущем – и в ближайшем, и в отдаленном. Чтобы между нами не осталось недопонимания – вы ведь убиваете не первый раз, верно?

С этими словами полковник сунулся в карман и достал мобильный коммуникатор. Включив функцию воспроизведения видео, подтолкнул его ко мне.

Ну... этого следовало ожидать. Странно, что это не произошло раньше. Черная гвардия, кто ж еще. Тогда, на Востоке, я попытался противостоять ей, находясь в должности Чрезвычайного и полномочного посла в Персии и пытаюсь найти концы в гибели своего друга, князя Владимира Голицына, который долгое время служил на Востоке, дольше, чем я, и первым заподозрил неладное. Тогда мне удалось выйти на генерал-губернатора Междуречья, князя Абашидзе, который и возглавлял самосудные расправы и террор. Ради того, чтобы

стать одним из них, мне пришлось совершить убийство, причем убийство, которое засняли на видео. Но князь Абашидзе был убит, и нить на этом оборвалась. Дальше мы почти не копали, только нашли одного урода – профессора в Берлине, и, чтобы наказать его, забрали все его деньги, нажитые предательством. Но дальше копать не стали – а напрасно.

Теперь все это здесь. Это и в Персии было, я теперь уверен.

– Интересно... – сказал я, – и что вы с этим собираетесь сделать? Показать по телевидению?

– Как вариант.

– Да показывайте. Вы в курсе, что у меня есть североамериканское гражданство до сих пор?

Я не был уверен, есть оно у меня или нет на сей день... в САСШ много чего произошло. Но тут пришло в голову, что раз Майкл родился на североамериканской земле – по североамериканским законам и я, и Юлия имеем право претендовать на получение гражданства без испытательного срока...

Мысли в голову лезут...

А этот гаденыш... зашевелился... видимо, просто не рассчитывал на такое. Прорабатывал варианты переговоров – а на такое не рассчитывал.

Интересно, попытается взять на патриотизме? Или угрозами?

– Да, нам известно о вашей деятельности в Северо-Американских Соединенных Штатах, – сказал полковник, явно чтобы потянуть время.

– Вам ничего об этом не известно, – резко сказал я, – не врите. Кстати, Алим-бека я не убивал, но убил кое-кого другого из ваших. Это вас никак не смущает, когда вы предлагаете мне сотрудничество, нет? У вас не принято – один за всех и все за одного.

Думал «повысить градус» еще выше, но сразу, по непроизвольной реакции, понял, что допустил серьезную ошибку. Полковник улыбнулся, показав белые, как снег, зубы. Значит, либо совсем недавно здесь, либо и вовсе – прилетел утром. Зубы у всех здесь плохие – вода сказывается.

– Панкратова? Да скатертью дорога, ни дна ему ни покрывки. Он совсем ошалел от жадности, мразь. Позорил нас и наше движение. Для него деньги были целью, а не средством. Он был нам нужен – но, чтобы вы знали, мы все равно собирались расстрелять его, как только придем к власти. С такими нам не по пути. И ни с кем не путайте нас, сударь, не нужно. Наша мотивация вовсе не выражается в деньгах.

– И в чем же она выражается, позвольте спросить?

– Вам никогда не казалось, господин адмирал, что наша история неким образом... застряла в какой-то яме? Двадцать первый век на дворе, а у нас все еще абсолютная монархия. Право же, перед людьми стыдно.

– Предлагаете привести к власти Думу?

– Ну что вы, право. Конечно, я... не в тех чинах, чтобы говорить об этом, но все же рискну. Полагаю, вам известны настроения народа: все хотят ответственное правительство⁴. Но мы-то с вами понимаем, что такое Дума и каким может быть ответственное правительство. Дума – это сборище краснобаев, которым Его Величество в неизречимой мудрости своей дал трибуну, памятуя завет своего великого предка Петра – дабы тупость каждого видна была. Однако, население заражается вредными и угрожающими стабильности идеями именно оттуда. В свою очередь, ответственное правительство, назначенное Думой, будет не более чем сбори-

⁴ Ответственное правительство – правительство, ответственное перед Думой, а не перед Его Величеством, читай – перед олигархическим клубом. Требование ответственного правительства звучало начиная с двадцатого века и стало одним из требований Февральской революции в России. Чем это закончилось – рассказывать не надо.

щем агентов деловых кругов, каждый из которых будет преследовать свои собственные интересы.

– Я, собственно, не понял – так что же вы хотите поменять и ради чего?

– Охотно объясню. Народу бессмысленно что-то втолковывать, ему надо дать почувствовать это. Сейчас все больше и больше молодых людей заражаются вредными и политически ошибочными идеями демократизма. Интеллигенция влияет на умы масс. Но настроение толпы изменчиво. Через несколько месяцев, когда жить станет намного хуже, чем сейчас, а попытка демократизации придет в тупик, мы будем встречены овациями толпы, и толпа же выдаст нам своих вчерашних лидеров на расправу.

– Военная диктатура? – спросил я. – Желаете повторить аргентинский вариант?

– А почему бы и нет? В столицах немало людей, которые заслужили виселицу без суда и следствия. Да и в целом... это лучше, чем царствие велеречивой царственной проститутки...

Последнее полковник сказал очень и очень напрасно, потому что у меня в кабинете – старая, оставшаяся еще с Мексики привычка – под столом, прикрепленный широкой полосой скотча, ждал своего часа пистолет с глушителем. И сейчас он пригодился – я отодрал его и, прежде чем полковник успел что-то понять, выстрелил и убил его.

Зачем я это сделал?⁵ Затем, что есть одно правило, которое не мешало бы помнить любому: если ты живешь по законам беспредела, не удивляйся, если и с тобой поступят по законам беспредела. И не веди себя так, как будто Бога нет над нами. Эти люди давно шагнули за грань допустимого, они на моих глазах бессудно и незаконно расправлялись с людьми, они плели интриги, а теперь – умышляли на государственный переворот и свержение Монархии. Италия, Аргентина... а теперь и нам предстояло испытать ту же чашу. Если кто-то их не остановит.

Если удастся предотвратить государственный переворот – я буду прав по определению, ибо присягал Его Величеству каждым своим действием и намерением укреплять Престол. А если не удастся... придется бежать, но мне, увы, не впервой...

За что же нам такое? Может, за то, что мы покусились на мировое господство? Кажется, из Библии – не убоюсь я зла...

Да, и еще. Терпеть не могу, когда Ксению Александровну кто-то называет проституткой, даже царственной. Одного борзописца я исхлестал в свое время за это плетью, а эту мразь, извольте видеть, просто пристрелил как собаку.

Первым делом я запер дверь – она запиралась изнутри, как и любые двери в этом здании. Второе – оттащил тело Корнеева в комнату отдыха и, отодвинув от стены диван, перевалил его туда. Третье – я открыл потайное отделение сейфа. Достал оттуда два паспорта, две офицерские книжки, несколько карточек – банковских и офицерского общества взаимного кредита, два пистолета, каждый из которых был чист и куплен лично мной нелегально. Кашида – арабский мужской головной платок, которым можно и лицо прикрыть, полный комплект одеяния пуштуна. Два сотовых телефона, верней, один сотовый и один коммуникатор – ни один из них никак не связан со мной, плюс еще набор prepaid сим-карт на всякий случай.

Рукоять того пистолета, из которого я только что стрелял, я протер, а сам пистолет разобрал, снял ствол и сунул в карман, остальное бросил в урну. Ствол выброшу потом, на улице, без ствола ничего не доказать. Больше он мне не нужен, а носить с собой пистолет, из которого только что совершил убийство... помилуйте.

⁵ Кому-то, наверное, это покажется простым убийством, но вот какая тонкость: в 1985–1991 годах вторую сверхдержаву мира убивали буквально на глазах у людей – у ее функционеров, у военных, у тех, кто должен был защищать ее и при необходимости положить жизнь на ее защиту, и никто – повторяю, ни один человек – не сделал ничего дельного, чтобы предотвратить это. В этом разница между настоящей, потомственной, в поколениях дворянской элитой и той, которая «академиев не кончала». Дворянин ЛИЧНО присягает Его Величеству блюсти его права, преимущества и интересы и ощущает ЛИЧНУЮ ответственность за то, что происходит в стране. Конечно, и дворяне бывают разные, но по сравнению с СССР...

В голову пришла полная сермяжной правды фраза: мятеж не может кончиться удачей, если закончится – его зовут иначе...

Мало кто знал, что из моей комнаты отдыха есть еще одна дверь – в кладовку, в которой держат пылесос и прочие вещи, которые не стоит держать на глазах...

Выходя из здания, я пристроился к довольно большой группе людей и, конечно же, заметил и людей, которые ждали Корнеева. Военная контрразведка. Ремеслу им не мешало бы поучиться – кто же берет на такое дело военный внедорожник? На меня они не обратили внимания... видимо, Корнеев приказал им ждать какое-то время, пока он переговорит со мной, и только потом приниматься за дело. Контрольный срок еще не вышел.

Через несколько минут я уже был на Майванде, полноводной торговой улице – главной улице Кабула. Традиционные дуканы и лавки, где торговали в основном золотом и украшениями, перемежались с бутиками самых известных брендов: вон там, например, – «Павел Буре». В Афганистане обычные часы еще поколение назад были роскошью, поэтому едва разбогатевший дукандор первым делом шел и покупал себе золотые часы.

Иногда даже соломинка может сломать спину верблюду... на Востоке это хорошо понимаешь...

Было больно и горько, осознание того, что на самом деле происходит, грызло изнутри как кислота. Да... вероятно, это моя судьба, от которой не уйти, как ни пытайся. Я до конца жизни останусь один...

У одного из дукандоров я купил еще два телефона. Подмигнул, добавил немного – и обзавелся еще и сим-картами. Здесь их продавали по документам, но, как и многое другое в Афганистане, это ни черта не исполнялось.

Набрал номер. Пошли гудки, сбросил. Зашел в турецкий ресторанчик, присел за столик...

– Бир бардак чай...

Через пять минут перезвонили. Звонок дошел до адресата...

– Я слушаю... – напряженный голос Тимофеева. Если все прошло нормально – он уже ушел из места своего расположения и лег на дно, и все его люди тоже, и базы данных – тоже все ушли.

– Как дела?

– Все штатно. Немного поругались с соседями.

– Сильно?

– Я же сказал – немного.

Ни он, ни я, конечно же, не сказали ни слова о своем местонахождении, не назвали ни одного имени, ни одного населенного пункта. Дураков нема.

– Это хорошо. Я тебе перешлю кое-что. Максимум через час. То, что поможет.

– Жду. Как с остальным?

– Все нормально. Нужно продержаться два-три дня. И все.

– Понял. До связи.

– До связи. С нами Бог.

– И за нами Россия.

Набрал еще один номер.

– Да?

– Ташкент.

– Я понял.

– Смотри по сторонам. Отбой.

Араб теперь тоже ляжет на дно. Похоже, началось движение.

Так... кому звонить, кому еще звонить...

Кронштадт!

Я подозвал дукандора. Подмигнул ему и купил еще два телефона с симками. А купленные ранее вернул ему. Здесь все всё понимали.

С одного из телефонов я набрал номер, установленный в Кронштадте. Это был единственный «верняк», который у меня на сегодня был.

Колька Пащенко был из простолюдинов, из простой семьи. Его прадед был в числе тех, кто в пятом году поднял мятеж против Его Величества на броненосце «Потемкин», его дед отличился при взятии Константинополя, а вот уже отец – окончил службу в чине контр-адмирала, командовал линейным крейсером, затем военной базой. Как и меня – Кольку отдали в Нахимовское, он попал в «штабной» экипаж и все время доказывал, кто он такой (чаще всего кулаками). В отличие от меня – он таки закончил Севастопольское нахимовское, но сейчас, насколько я знал, он был в Кронштадте.

Соединили не сразу, линии были перегружены. Еще один признак беды...

– Дежурный... – знакомый веселый, чуть несерьезный голос.

Вот так-так... Я даже не смел возблагодарить Господа за удачу. Дежурный офицер – царь и Бог, пока его не отстранили от дежурства, он имеет право принимать практически любые решения и в его руках – целая военная база. А Кронштадт – это такая твердыня, которую не возьмешь с наскока никакими силами.

– Колян. Это я... – сказал я, не называя своего имени. – Давай по именам.

На моей фамилии, может быть, уже стоит цифровой триггер. А Колян, Сашка... мало ли таких имен на всей Руси Великой...

– Постой-ка... Саша, ты, что ли?

– Я, брат, я...

Пащенко чуть замялся.

– Извини, тут у меня...

Понятное дело.

– Не клади трубку. База в боевой готовности?

– Так точно... – чуть растерянно сказал Пащенко, – внезапная проверка готовности, учения... Выходим в море.

Есть. Значит – они не в заговоре! Флот – не в заговоре! Выходим в море – значит, подальше от столицы, чтобы не иметь возможности вмешаться в борьбу за власть.

– Не такточидай. А слушай меня. Помнишь Севастополь?

– Конечно. А при чем тут это?

– Пока ты дежурный, Богом прошу – попробуй связаться с Дворцом. Нет, не так – вышли туда морских пехотинцев...

Пащенко засмеялся:

– Да ты что. Меня ж за это...

– Слушай меня! Дело неладно, понял? Я никого из вас никогда ни о чем не просил, но помогал, чем мог. Теперь – ты мне помоги. Спаси мою семью, понял? Мою семью. Вывези ее в Кронштадт. Им угрожает серьезная опасность – из-за меня. Сделаешь – ты для меня всегда прав, понял?

Задержав дыхание, я ждал ответа...

– Да что же ты, Саша, – весело сказал Пащенко, по-дворянски делая ударение на второй слог моего имени, – ты за кого нас держишь? Нечто мы позволим Ее Высочество обидеть. Все в лучшем виде сделаем, не сомневайся...

Сказано. Но ничего не исправишь. Главное – я почему-то был уверен, что Пащенко не переубедить, не «смазать». Не «протабанит» он, как у нас говорится. Даже среди нас он отличался чудовищной своевольностью и упрямством. Иначе, как и я, уже черные орлы на погонах бы носил...

– Спасибо тебе... братишка.

- Спасибо не булькает. На встречу выпускников приходи... брезгуешь, крендель?
- Непременно приду, брат. Всенепременно.

Последним – понимая, что телефон после такого звонка сразу поставят на контроль – я набрал номер Александровского дворца, который был установлен в кабинете, занимаемом Ксения. Как я и ожидал – телефон не отвечал. Ни гудков... вообще ничего.

Обтерев телефоны платком, я достал из них симки. Телефоны оставил на столе – исчезнут быстрее, чем я такси на улице поймаю...

На кабульском лихаче доехал до международного аэропорта по своим документам (в последний раз их использую), прошел в закрытую зону. Дошел до ангаров – там казаки грузили старый лицензионный «Дуглас ДС-3», но с современными турбовинтовыми моторами. Таких тут было полно, они сновали на небольшой высоте, опознавались лишь на границе. У них была своя полоса – и здесь, и в Ташкенте – и груз, и пассажиров они не декларировали. Это мне и надо.

- Казаки, попутным рейсом возьмете?
- Здоровенный, наголо бритый казак смерил меня взглядом.
- Попутным ветер в ж... бывает. Куда надо?
- В Ташкент... – Я открыл прикрытое кашидой лицо.
- Лицо казака изменилось.
- Простите, Ваше Высокоблагородие, не признали. Возьмем, конечно...

Вечер 03 марта 2017 года. Туркестан, Ташкент «Голубые купола»⁶

Таксист остановил свой «Фиат» на углу заполненной людьми площади. Уже отсюда, через зеленую шевелюру лип просматривалась башня старого Ташкентского телецентра – не путать с новым телецентром, вторым по высоте в регионе после Верного⁷.

– Рахмат... – вежливо сказал я, прижав руку к сердцу. Проезд я с лихвой оплатил еще при посадке...

– Арзимаиди, эфенди... – проявил ответную вежливость таксист. – Екимли иштаха...⁸

Все больше и больше похожу на местных – русского во мне уже не видят. Не знаю, плохо это или нет.

Одна из достопримечательностей Ташкента – не архитектурная, а кулинарная – это дни плова. Плов – настоящая жемчужина местной кухни: рис со специями, овощами и мясом. Есть более двухсот способов его приготовления. Место, где подают плов, можно найти в любом крупном городе Империи, но настоящий плов – это, конечно же, Ташкент.

Центры по приготовлению плова называются «ошхона», каждый день они готовят плов тоннами, в громадных, больше похожих на котлы казанах. Считается, что чем больше плова готовится в один раз в одном казане – тем он вкуснее. Этот плов не подают в ресторанах, в Ташкенте есть места, где его по традиции готовят прямо под открытым небом в определенные часы и тут же подают. Одно из этих мест как раз здесь, у старого телецентра и театра Алишера Навои. Гурманы и ценители плова специально приезжают в Ташкент ради того, чтобы попробовать плов не в ресторане, с тарелки, а здесь, с деревянного блюда. Плов здесь готовят «свадебный», на основе баранины или говядины. Конечно же, не свинины – большинство здесь мусульмане. Считается, что первый рецепт плова разработал известный математик, астроном

⁶ Реальное место, культовое в восьмидесятых среди воинов-интернационалистов, но и до этого довольно известное – рядом, например, был детсад Туркестанского ВО. Вообще, Ташкент – больше русский город, чем узбекский, и страшная трагедия в том, что мы ушли оттуда, бросив все на произвол судьбы. Судьба же обычно жестока...

⁷ Алма-Ата – тоже русский город.

⁸ Не за что, господин. Приятного аппетита (*узб.*).

и лекарь Ибн-Сина (Авиценна), которому дали задание разработать блюдо для армии эмира, которое можно готовить как единственное блюдо трапезы, которое готовится из хорошо хранящихся, занимающих немного места продуктов, позволяет поддерживать силы во время долгих пустынных переходов и при приготовлении которого не требуется много воды. Из этого задания и появился плов.

Как и положено настоящему человеку с Востока – я отказался от вилки, которой плов едят цивилизованные люди. Заметил, что на раздаче мне положили порцию побольше, признали мусульманина, более того – человека, уважающего традиции. С пловом я заказал местный зеленый чай (неверные брали местное сухое вино) и немного сухой конской колбасы «казы». Ее тоже принято есть после плова.

Протискиваясь с блюдом, я нашел место рядом со средних лет бородатым человеком, который поглощал свою порцию, тоже руками, поджав под себя по-турецки ноги и оставив рядом с собой большую сумку с логотипом какой-то спортивной команды.

– Кечиразиз...⁹ – сказал я, подходя ближе...

Бородач посмотрел на меня, потом убрал сумку, освобождая место. Я присел рядом, так же как и он – правда, менее ловко. Но не пролить чай мне удалось...

– Ишларингиз калай... – вежливо спросил я, поглощая руками чудесный, дымящийся ароматным парком плов.

– Рахмат, якхши... – ответил Араб, который свою порцию почти доел, – в сумке...

Я подвинулся, задел локтем сумку. Она не была застегнута на молнию. В проеме тускло блеснула вороненая сталь автоматов.

Всегда и везде – одно и то же.

– Следят?

– Нет. Не думаю.

– Не думаешь или знаешь?

– Я проверился три раза только за сегодня.

Араб сказал это громче, чем следовало, – пара человек на нас обернулось. Но главным, конечно, тут был плов, сюда приходили целыми семьями и потому – вернулись к своим делам. По-русски... так здесь все по-русски говорят.

– Хорошо... – сказал я, – за мной тоже не должны.

– Что в столице?

– Алим-бек убит, – сказал я.

– Вы?

– Нет. У него дома жили британские агенты. Один из них.

Араб почмокал губами, как делали на Востоке в знак неодобрения. Я наклонил тарелку.

– Возьми немного с моей...

Араб себя уговаривать не заставил – перевалил часть моего плова и принялся за еду.

– И я, кажется, в розыске, – сказал я, – за убийство. Возможно, и два. Ты – нет, ты пока чист.

– Иншалла...

– Я пристрелил одного урода в Кабуле, – сказал я, – в собственном кабинете. Он назвал Ее Императорское Высочество и мать моего ребенка проституткой и предложил мне участие в военном перевороте.

– В пользу кого?

⁹ Извините (*узб.*). Если у кого-то возникнет вопрос, откуда г-н адмирал знает узбекский – напомним, что все сообщение с Афганистаном шло через Ташкент и сам он регулярно туда летал, чтобы оттуда перебраться в Бухару. Так что примитивно – язык он все-таки знал, на уровне пообщаться с извозчиком или половым.

– Не знаю. Явно не в пользу России. А до этого, задолго до этого, – я убил женщину. Связанную и лежащую на земле – собственно говоря, этим урод и пытался меня шантажировать. Рассказать, как так это получилось?

Араб отрицательно покачал головой

– Нет, не нужно.

– Уверен? Мы должны быть уверены друг в друге.

– Я уверен, – твердо сказал он, – для этого не надо знать. Иногда лучше наоборот – не знать. Но я в вас уверен, Ваше Высокопревосходительство. Как ни в ком другом не был уверен. Тут надо было бы что-то сказать... патриотическое, что ли. Да слов уже нет.

– Твои новости?

– Веселые, как никогда. Отрубили связь с Санкт-Петербургом. Нет ни телевидения, ни Интернета – ничего.

Я едва удержался, чтобы не присвистнуть. Началось!

– И что слышно? Как местные к этому относятся?

– Да как бы ни относились... – Араб смахнул в рот последние крошки плова. – Час с небольшим назад кто-то обстрелял из минометов взлетную полосу ташкентского авиазавода и взорвал заправочный терминал в Ташкентском международном аэропорту. У них остается база стратегической авиации, но она неудачно расположена, и там нет достаточных сил стратегической авиации. И полагаю, в Бухаре аэропорт тоже взорван. Так что как бы тут кто к этому ни относился, сделать он ничего не может.

Араб подмигнул мне.

– Иншалла. Мы тут договорились, что основная точка сбора – ресторан «Голубые купола». Там накормят чем-то получше, чем плов.

Я тоже доел свою порцию.

– А сколько времени осталось?

– Два часа.

Иншалла. Во имя Аллаха...

«Голубые купола»...

Это место причудливым образом сочетало в себе Запад и Восток и, будучи построенным еще в шестидесятые, почти сразу стало культовым. Здесь причудливо сочетались европейские и азиатские традиции строительства: например, кушали не в закрытом помещении, а на открытой огромной террасе с бетонным ограждением по пояс; с трех сторон было построено искусственное озеро с небольшими фонтанчиками, поэтому даже в самые жаркие дни здесь была благословенная прохлада; зала – то есть закрытого помещения – здесь не было вообще, эта терраса и была всем ресторанным залом; и, наконец, голубые купола на крыше, как в старой Бухаре. Когда это построили, ресторан заклеили «китчевым», но теперь он был одной из достопримечательностей Ташкента.

Ну и кухня. Здесь не подавали модный европейский фьюжн, здесь не кормили блинами и пирожками. Только местная кухня, богатая и самобытная, которую ставил сын главного повара Эмира Бухары, не желающий работать во дворце.

Второй рассвет это заведение пережило с тех пор, как Ташкент стал отправной точкой на пути русских в Афганистан. Такой рассвет, что владелец даже открыл еще два ресторана, точно таких же – в Кабуле и в Мазари-Шарифе. Почему-то именно это место стало популярным среди среднего и старшего офицерского состава, возвращающегося на родину после нескольких лет кошмара...

Появиться здесь – было в какой-то степени вызовом. Но с другой стороны, именно здесь нас бы и не тронули: потому что – кто такие заговорщики? Это подонки, отщепенцы, предатели. Их мало, очень мало, и, если бы они посмели открыто высказать свои взгляды и убежде-

ния, их бы просто разорвали на части. Они и пошли-то на заговор потому, что легально им просто «не светит» – никто их не поймет, никто не согласится. Так что здесь – самое место.

Место Араб заказал с самого утра, иначе бы не нашлось. Как только мы заняли его, к нам подлетел половой-узбек.

– Слушаю, господа хорошие...

Вот этот вот все-таки китч – купеческое «господа хорошие» и половой – типичный молодой узбек – наверное, и привлекали сюда людей. В мире, где все поставлено с ног на голову – это вполне даже нормальное место...

– Стол на троих... – начал распоряжаться Араб на русском, – третий подойдет. Китайский лагман на первое – по большой тарелке. Дальше чучвару и ачич-кудук. И чая. Зеленого чая, побольше. К каждому блюду.

– Да мы не съедим... – усомнился я

– Еще добавки попросим, – безапелляционно заявил Араб. – Давай, бача, сделай красиво...

– Сей момент, господа хорошие... – узбек побежал на кухню.

Оркестра тут не было – живой музыки вообще не было, как и сцены. Когда-то была, еще в восьмидесятые, помнят и говорят, что тут выступали лучшие современные ансамбли Туркестана. Играли совершенно нетипичный для этого места джаз, блюз, даже рок. Но если когда-то сцена здесь и была, то сейчас не было, ее снесли, чтобы увеличить вместимость зала. Мест не хватало практически всегда, но у Араба, видимо, были здесь подвязки.

Невидимые колонки развлекали гостей музыкой. Играли новый вариант «На сопках Маньчжурии».

Тихо вокруг.
Сопки покрыты мглой.
Вот из-за туч блеснула луна,
Могила хранят покой.

Белеют кресты —
Это герои спят.
Прошлого тени кружатся вновь,
О жертвах боев твердят.

Тихо вокруг,
Ветер туман унес,
На сопках маньчжурских воины спят
И русских не слышат слез.

Плачет, плачет мать родная,
Плачет молодая жена,
Плачут все, как один человек,
Злой рок и судьбу кляня.

Пусть гаолян
Вам навевает сны,
Спите, герои русской земли,
Отчизны родной сыны.

Вы пали за Русь,

Погибли за Отчизну.
Но верьте, мы за вас отомстим
И справим мы славную тризну.

Этот вариант появился в тридцатые годы после второй русско-японской, когда нам удалось отвоевать Желтороссию, прекратить продвижение японцев в районе Внутренней Монголии – но не удалось нанести поражение японскому флоту и вернуть половину Сахалина. Предыдущий вариант, классический, был одновременно и слишком длинным, и слишком над-рывным, даже антигосударственным. Совсем не победным.

Как-то мы разучились побеждать, вам не кажется? Заканчивать войну победой. Война превратилась для нас в работу, которой нет ни конца ни края...

Принесли китайский лагман, как раз кстати. Густой и насыщенный суп, но не слишком острый, китайский его вариант. В самый раз, потому что плов, который мы отведали, был на самом деле слишком острым, заставляющим тяжело отдыхаться...

– Ждем?

Араб посмотрел на часы, махнул рукой.

– Опоздал, засранец. Сам виноват...

Словно отвечая на эти слова, на пороге появился Аскер, одетый во все местное, с короткой бородкой, загорелый. Начал протискиваться к нам – столы здесь стояли плотно...

– Салам алейкум. Не опоздал?

– Опоздал, – сказал Араб.

– Ну, бакхена гварим¹⁰, как говорится...

Он присел, как и мы, за стол, махнул рукой, чтобы несли...

– Что нового?

– По телику вальсы передают.

– Вальсы?!

– Так точно, вальсы. Изволите слышать...

Я вдруг понял, что «На сопках Маньчжурии» – это и есть вальс, который передают по центральному телевидению. Зело плохо, зело плохо, господа. Когда по национальному телевидению начинают передавать один вальс – жди беды.

– А Интернет?

– Отрублен. Просим прощения, работы, связанные с предотвращением массовой вирусной атаки.

– Идиотизм...

– Он самый.

– Ладно. Что на местах?

– На местах движуха... – Аскер начал жадно поглощать лагман. – При чем движуха нездоровая. Те люди, о которых я вам говорил, – ну, поняли. Так вот – их тайно вывели к аэродромам взлета. Вот только проблема – аэродромов-то не стало.

– Твои все отошли?

– Обижают. Мы даже старались не лишкануть. Свое все-таки. Денег стоит. По движкам пострелять пришлось, правда.

Классические операции спецназа, как в учебнике. Патрон к винтовке калибра двенадцать и семь или четырнадцать и пять стоит от полутора до четырех рублей. Но этот же патрон, выпущенный в стоящий на аэродроме самолет, может вызвать миллионный ущерб, а в заправочный терминал – миллиардный. Истребитель-бомбардировщик – грозная штука в воздухе, но на земле всего лишь мишень. Один точный выстрел в двигатель – и он как минимум на день

¹⁰ Прошу прощения (*нушту*).

прикован к земле, а техники будут суматошно менять двигатель и не смогут заняться ничем иным. А если выведены из строя все самолеты, то придется заказывать и ждать запчастей.

– А что прикрытие? – поинтересовался я чисто из профессионального интереса.

– Пфе... – презрительно сказал Аскер, – детский сад, штаны на лямках. Таких только дрючить и дрючить. Только в двух случаях нас обнаружили и ни в одном из них – не попали. Козлы.

Да уж...

– Они могут вылететь гражданским рейсом, – предположил Араб, – реквизировать самолет.

– Не могут. Утром у главного терминала нашли заминированную машину. Разминируют. И кто-то позвонил и сообщил о бомбах в самом терминале. До вечера, наверное, проищут. С собаками.

Ну, вот и... ладушки. Те, кто все это затеял, думали, что все пройдет на ура, но ошиблись в одном. До этого – они сами подсыпали песочку в работающий механизм, вредили и выигрывали на этом. Теперь – они оказались на другой стороне баррикад, в роли тех, кому вредят. Звонок с сообщением об акте терроризма, парализовавший аэропорт, обстрелянная и разрушенная взлетная полоса, поврежденные самолеты. Ну как, господа, хорошо? Нормально себя чувствуете?

То ли еще будет...

Узбек нес нам чучвару – разновидность пельменей, только они меньше, чем русские, мясо тут без свинины, рубленное ножом, а не прокрученное, и подаются они в бульоне, со столовым уксусом и острыми приправами, – как вдруг глаза его уставились куда-то за нас, он что-то увидел за фонтаном, что-то, что привело его в совершеннейший ужас. И я крикнул «Атас!», как в мальчишеском детстве, на одесских и константинопольских улицах, и толкнул моих друзей, потому что я сидел лицом к узбеку и увидел это первым...

Через долю секунды по нам открыли огонь из нескольких автоматных стволов.

Сопротивляться смысла не было – это был настоящий, черт возьми, ад. Единственное, что нас спасало – это та самая бетонная стенка ограждения – за нее успел спрятаться тот, кто не успел расслабиться после Афганистана, а тот, кто успел – увы, умер...

Пули летели градом, раскалывая и разнося все на своем пути, и толстый и довольный жизнью в Ташкенте молодой узбек упал под градом пуль первый, и сейчас я видел подошвы его ботинок, подкованных гвоздиками. Почему-то именно это врезалось в память...

Араб, с озверелыми глазами, перебросил мне из сумки пистолет-пулемет и запасной магазин. В удлиненном пятьдесят – значит, сто патронов. Если просто стрелять на прикрытие – уйдут минуты за две.

Работать надо конкретно...

– Щас пройдут к входу и порежут всех... – прошипел Аскер. У него был старомодный, но мощный автоматический «кольт» с удлиненным магазином на двадцать пять патронов.

Попытаться снять их, используя стенку ограждения в качестве укрытия? Скорее всего – ляжем, по крайней мере, кто-то из нас. Проверяемый не опередит проверяющего – старое, но не потерявшее актуальности правило. Нам надо встать, прицелиться, выстрелить. Им – только нажать на спусковой крючок, окатив роем пуль, каждая из которых пробивает стальной рельс...

Огонь резко утих – перезаряжались. Не профессионалы... чему только учат. Скорее всего – местные, террористы.

– Шумнуть?

– Не надо, – резко сказал я.

Если ты силен – показывай, что слаб, если слаб – показывай, что силен. Совершенно не к делу показывать, что у нас есть автоматическое оружие.

Кто-то из офицеров поднялся, выстрелил несколько раз – и упал. Боевики перезарядили оружие и снова открыли огонь... к счастью он успел убраться с линии огня прежде, чем пули достали его. А вот повар или один из его помощников, выскочивший в зал, понять, что происходит, на свою беду, не успел.

– Давай к кухне. Не высовываемся...

Если я что-то понимаю в жизни, эти отморозки – не единственные, кто хочет нас убить. Должен быть еще кто-то... снайпер, к примеру.

Нет. Снайпер тут вряд ли будет – слишком много зелени вокруг, нет чистой линии прицеливания. Просто стрелок, возможно, переодетый, замаскированный. И разумнее всего разместить его сзади и справа, чтобы пробивал выход из ресторана и задний двор, откуда привозят продукты...

Послышались сирены. Ближайшая трасса – проспект генерала Каппеля, в нескольких сотнях метров – здания Полицейского управления Ташкента и модерновая высотка центральноазиатского представительства Интерпола. Полицейские должны прибыть быстро...

И нам тут с оружием оставаться тоже не обязательно.

Снова – опустошены магазины, но звука перезарядки не последовало. Вместо него – взвыли моторы мотоциклов. Так и есть – местные отморозки. В Средней Азии после того, как проложили скоростные трассы, молодежь на мотоциклах как с цепи сорвалась. Дешевый, но мощный мотак, на котором можно круглый год по теплу гонять, дешевая наркота, травamuрава, которую тут хоть на огородах выращивай, и дешевые стволы. Убийственное сочетание...

– Давай!

Мотоциклы уже набирали скорость, им надо было проехать всего несколько метров, чтобы вырваться из зоны обстрела. Один вырвался, второй не успел – автоматы ударили разом, водитель удержался в седле, а вот пассажира тяжелая пуля «кольта» сбросила с набирающего ход мотоцикла, как начинающего ковбоя сбрасывает со своей спины необъезженный бык. Он ударился об асфальт, перевернулся – было видно, как полетел автомат. Попытался подняться... но мы двумя очередями прикончили его.

Рев моторов становился все тише. Вой сирен – все сильнее. Похоже, на площади Космонавтов пробудились-таки от дневной сиесты...

– Валим! – Аскер дернулся первым.

– Стоять. Не туда...

Ох, чует мое сердце – еще хлебнем...

Противоположное движение от проспекта генерала Каппеля – это Шимкент, еще называемая «Шымкент-стрит», по аналогии с Кабул-стрит, известной улицей дуканов в Кабуле, где можно было купить что угодно и продать что угодно. Угадайте с трех раз, куда мы бросимся бежать – на Каппеля, навстречу поднятым по тревоге силам полиции и наверняка еще и роте немедленного реагирования жандармерии, охраняющей полицейское управление, или – на знакомую каждому офицеру Шымкент-стрит?

А вот и не угадали.

– Господа, что...

Едва отошедший офицер с полковничьими погонами решил покачать права и побелел, как мел, наткнувшись на смотрящий ему в грудь глушитель автомата.

– Лежать...

Офицер опустился на пол, с лицом, не особо отличимым по цвету от листа бумаги. Сапог дырявый... а еще спрашивают, за что мореманы таких вот ненавидят и бьют смертным боем...

– Через кухню. Двинули!

На кухне пахнет мясом – жареным, свежим... приправами. Персонал, который еще не смылся, испуган и пытается сделаться незаметным на фоне стен и казанов...

– Аскер! – шедший первым Араб показал стволом на то, что нужно. Узбек-повар был одного роста с Аскером.

– Клифт одолжи, дядя... – проникновенно попросил Аскер, подойдя вплотную. Узбек трясущимися руками начал расстегивать пуговицы халата...

– Да не трясись ты так. Не страшный я. В Афгане – только бородатых мочил, а ты – вон какой, бача...

Узбек от такого юмора едва в обморок не грохнулся. И есть от чего – скверный юмор. А может, от вида пистолета с длинным изогнутым магазином...

Точно так же белым халатом обзавелся и Араб, а я – снял свой с вешалки на входе. Дворянское и мореманское воспитание грабить не позволяет. Пусть немного в рукавах коротко – но, надеюсь, не заметят...

К кухне был пристрой с большими холодильниками, работающими на полную мощность, там было холодно, как бывает холодно в афганских горах ночью, после жаркого летнего дня. Идущий первым Араб толкнул дверь, присмотрелся. Нюх у него – нам обоим фору даст. Он на Востоке с рождения, казак...

– Чисто.

Интересно, знают они, что нас было трое, или нет? Интересно, полицейские переключают Туркестон или нет? Твою мать, это центр города, чуть дальше – русский драмтеатр, памятник и сквер генерала Кауфмана, по левую руку – дворец наместника. Здесь же полно сил безопасности... должно быть.

Глаз зацепился за что-то... сразу и не понял что. А когда дошло – как ледяной водой из проруби окатило...

Среди нервничающего, суесящегося народа – двое. Молодой парень, одетый как местный, но лицо слишком светлое... на подбородке светлое! Катит коляску. Рядом с ним семенит дама, одетая как местная соблюдающая¹¹: то есть светлое платье до земли и светлый платок, закрывающий волосы.

Перед ними коляска. Они идут на нас так, как будто только что и не было перестрелки. И ребенка везут грудного!

И до них метров тридцать. Я встретился глазами с глазами женщины – черными, озлобленными – и она поняла, что я все понял...

– Контакт на двенадцать!

Парень с силой толкнул вперед коляску, вырывая из-под полога «АКС-76».

Наше оружие было в сумке – не идти же с оружием по парку. Мы не успевали, но Аскер в этот раз переиграл всех нас. Я даже не успел понять, не успел различить отдельные выстрелы – они прогремели одним непрерывным грохочущим звуком. Ликвидаторов, идущих нам навстречу, буквально снесло тяжелыми пистолетными пулями.

Шум в голове от грохота выстрелов. Легкая ошеломленность – она всегда бывает, через сколько бы перестрелок не прошел. Стоящий на колене Аскер с пистолетом. Лежащая навзничь женщина, белая ткань платья, окутавшего ее ноги. Медленно катящаяся коляска...

– Ходу!

Да, надо валить... Так, чтобы пятки дымились...

Люди – как пришли в себя после секундного оцепенения – закричали, бросились враспынную. И полицейские у нас за спиной – сообразили...

Но мы уже бежим. Чертов халат путается, ждешь, что того и гляди упадешь. Но бежишь. Сердце бухает в груди, и про сердечный приступ не хочется даже думать – но бежишь. Только бы добежать...

¹¹ То есть соблюдающая законы шариата.

Справа – книжный магазин Глазунова, известный по всему Туркестану, и мальцевский универмаг. Вперед – проспект Туркестон. Интересно – его успели перекрыть или нет?

Направо!

Перескакивая через кованую, по поясу, ограду парка, мы оказываемся в цивилизованном мире. Мальцевский универмаг – четырехэтажное, старинной архитектуры, здание, где нас может поджидать еще один террорист.

А вот – и благословенный таксомотор. Невозмутимый молодой узбек, жующий жвачку, лупоглазый «Фиат».

– Гони к вокзалу.

Алексашка – пятидесятирублевая купюра с портретом Александра Четвертого – заставляет узбека забыть о глупостях. Это примерно пятьдесят счетчиков, столько он еще никогда не зарабатывал...

Выруливает на Туркестон. Мимо с воем проносятся полицейские машины... спохватились. Уже на повороте – видим в потоке высокий, бронированный «АМО» в черной раскраске, а вот и жандармерия прибыла, антитеррористический взвод подняли. Идет со стороны проспекта Кауфмана, значит – от Нукусских казарм.

Ловите конский топот...

– Не гони так, бача... – говорю я, пытаюсь контролировать дыхание, – полтинник ты уже заработал.

«АМО» проскакивает мимо.

Железнодорожный вокзал. Людское месиво, здесь и местные, спешащие на электропоезд, и купцы, покупающие билет на скоростной. Здесь полно видеокамер, отрабатывающих толпу, но я знаю, как защититься от опознания. Да и в розыск нас не объявили... если только заранее не кинули...

– Рахмат, бача...

– Эфенди... – Таксист улыбается... – Я просто ехал к вокзалу, чтобы посадить богатого русского господина, правильно...

Понятливый народ. В Афганистане бы так.

Я наугад достаю еще купюру.

– Ты прав, бача. Очень прав. Так все и было...

– Господа, свежий выпуск «Звезды»! Стася Валиевская в Ташкенте!

Не знаю, кто такая Стася Валиевская. Отстал от жизни. Наверное, актриса какая-нибудь польская, красивая. Или певица. Да это и неважно. А важно то, что газета закрывает лицо и сильно затрудняет опознание. По менее чем сорока процентам изображения лица – надежное опознание невозможно...

– Дай газетку, бача...

– Извольте, господин хороший, двадцать копеечек всего. Пожалуйста, господин хороший. Еще кому, господа!? Стася Валиевская в Ташкенте!

«Звезду Востока» – местную желтоватую газетенку – покупают и мои спутники. Вот уж не ожидал в них поклонника таланта Стаси Валиевской...

– Кто такая Стася Валиевская? – спрашиваю вполголоса.

– Стася Валиевская? – возмущенно переспрашивает Аскер, – как можно не знать? Молодое дарование, актриса синемаатографа, в двадцать четыре года – Золотой Ангел в Одессе¹² – «Уйти и не вернуться», «Выхода нет». Сейчас вот в «Бремени Империи» снялась...

¹² В Одессе был имперский синемаатографический фестиваль, не уступающий Голливуду, и производство синемаатографических лент более чем по сотне в год. Такого, как у нас – когда Голливуд властвует над миром, – здесь и не подумали бы допустить. Имперский синемаатограф – важная часть воспитательного процесса в Империи, создания каркаса народа.

– Впечатляет... – оценил я, – кстати, ты молоток. Пират настоящий. Я и сообразить не успел, старый...

– Да чего там... Я из секунды давно уж вышел¹³. Если бы вы не предупредили...

– Моя школа... – ревниво заметил Араб.

– Ладно нам, татарам.

Мы протиснулись в кондиционированную прохладу вокзала. На входе были жандармы, был и металлоискатель. Не работающий...

– Позвольте... – Араб технично забрал у меня сумку, удалился в сторону камер хранения. Наверняка запас там чего на черный день – сумку с минимумом денег, документов, лекарств, чистым сотовым. Он в городе не первый день и должен был позаботиться об этом.

Мы отошли к автоматам, купили по большому стакану холодной, приторно-сладкой газировки...

– Местные совсем обнаглели... – констатировал Аскер.

– Отсюда ты доберешься до своей базы? – спросил я.

– Конечно. Электричкой полчаса. Там переждем пару дней и...

– Ждать некогда. Окажешь мне услугу?

Глаза Аскера вдруг стали очень серьезными.

– Не вопрос.

– Знаешь, что такое «Дворец слез»?

– Конечно, кто не знает.

– Там мои жена и сын живут. И дочь... теперь тоже моя. Вытащишь, и в долгу у тебя буду уже я, понял? Только готовься к худшему.

Аскер бросил салют, как скаут.

– Всегда готовы!

– Да ты не азардуй, не азардуй. Просто останься в живых и их вытащи. Я попробую достать вертолет, но если не получится – эвакуируйся на машинах. Самое главное – отправить их с территории Туркестана. В Верный... куда угодно.

– Есть.

Подождал Араб. В руке у него была сумка, но другая.

– Связь есть?

– А как же? – Он вытащил два поцарапанных, явно подержанных спутниковых телефона «Парус» – защищенная.

Один я отдал Аскеру.

– Держи, солдат. И готовься к неприятностям. Да, еще...

На одном из листов «Звезды Востока» я набросал примерную карту и ориентиры с расстояниями до них.

– Черный ход в периметр. Доходит?

– Да.

– Вот и отлично. Меньше шума, меньше пыли. Действуй.

Аскер пошел к билетным кассам. Араб вжикнул молнией, я коротко глянул.

– Живем... Да, Александр! Александр!

Аскер – его давно не звали по имени, на войне все зовут друг друга по кличкам – недоуменно обернулся на свое имя. Вернулся...

– Помнишь, о чем мы говорили в моем кабинете в Арке?

– Да, – насторожился он.

¹³ Выйти из секунды – делаешь первый выстрел в цель меньше чем за секунду после подачи сигнала, – причем в это время входит и выхватывание пистолета из кобуры. Для справки – недавно молодое американское дарование из IPSC сделало двенадцать выстрелов с двумя перезарядками меньше чем за четыре секунды, что зафиксировано на видео. У нас, к сожалению, сотрудники полиции не могут и первый выстрел за четыре секунды сделать.

– Номер один – Саид Алим-бек, ротмистр гвардии, наследник Бухарский. Номер два – полковник Панкратов, оперативная группа Генерального штаба по Афганистану. Извини, но они оба уже вне игры...

Аскер внимательно слушал.

– Но есть и номера три и четыре. Они где-то здесь. Сделаешь то, о чем прошу, потом – начнем охоту и на них. Иди...

Аскер молча кивнул головой. Пошел к билетным кассам.

– Чем дальше, тем жить веселее, – сформулировал Араб, – нам-то куда?

Я глянул на табло. Первым отходил скорый, на Самарканд, «Афросиаб» называется. В отличие от самолета – в него без рамки металлоискателя пускают.

– К познанию Вечности вершим мы странствие благое, в священный город Самарканд дорогой Золотой. Надеюсь, билеты еще есть...

04 марта 2017 года. Санкт-Петербург, Российская Империя. Дворцовая площадь. Штаб Петербургского военного округа

Полковников – продукт нового времени. Это – тип тех офицеров, которые делали революцию ради карьеры, летели, как бабочки на огонь, и сгорали в ней без остатка <...> 34-летний полковник становится главнокомандующим важнейшего в политическом отношении округа с почти 200 000-ной армией. Тут начинается метание между Керенским и Советом и верность постольку-поскольку. Полковник помогает большевикам создать движение против правительства, но потом ведет юнкеров против большевиков. Много детской крови взял на себя он...

П.Н. Краснов о Г.П. Полковникове, предпоследнем командующем Петроградским военным округом, сначала ведем переговоры с большевиками, а потом ими же и расстрелянном.

Штабом восстания назначили штаб Петербургского военного округа, находившийся на Дворцовой площади в красивом четырехэтажном, классической архитектуры, здании. Здание Генерального штаба отвергли потому, что там у заговорщиков не было даже примерного перевеса, многие на словах сочувствовали и ругали власть – но твердой поддержки не было. В штабе Петербургского военного округа поддержка у заговорщиков была – твердая, с перевесом...

Мятеж начался с утра, когда главноначальник¹⁴ Петербургского военного округа, генерал-полковник Олег Васильевич Романов (не из Августейшей семьи, просто однофамилец, к чему сами Высочайшие особы относились с юмором и нередко приглашали генерала за свой стол), прибыл на службу. «Руссо-Балт» подкатил к главному входу в здание штаба, часовые привычно взяли на караул, и генерал-полковник привычно взял толстенную папку из машины и привычно кивнул им вместо отдания чести. Он и в самом деле был больше управляющим помещьем, чем офицером, и, привычно идя на службу, думал о том, как, не вылезая за рамки отпущенных на этот год ассигнований, позволить себе закупить новые тренажеры с виртуальной реальностью, которые ему показывали вчера. Можно, конечно, перебросить деньги из статей, отпущенных на боевую учебу – но эти статьи защищенные, их трогать нельзя. Разве что с Высочайшего соизволения, но и во дворец идти по таким мелочам – право же, неловко.

¹⁴ В русской армии разделялось понятие «командующий» и «главноначальник». Главноначальник – больше менеджер, чем офицер, он должен обеспечивать нормальное функционирование армии в мирное время, ее снабжение, проведение учений, пополнение техникой и личным составом, бороться с воровством и коррупцией. Командующий – именно военный офицер, призванный вести армию в бой. Все командующие находились при своих округах, но были приписаны к Генеральному штабу, все они являлись офицерами именно Генерального штаба, а не армии.

Так он прошел в свой кабинет, скромно обставленный, как кабинет бюрократа, – и увидел двоих: командира одной из частей гвардии, графа Шубова, и начальника военной контрразведки округа, генерал-майора Латыпова. То есть Петрова и Котова. Точнее наоборот – Котова и Петрова. Первый – как раз и был тем, кому удалось-таки заманить в ловушку сверхосторожного Ахметова – но об этом тогда никто не знал.

– Господа...

– Срочное дело, господин генерал-полковник. По квартирмейстерской части.

Квартирмейстеры – так раньше называлась разведка, это слово использовали по сей день. Генерал-полковник не обратил внимания на тот факт, что в присутствии – кроме этих двоих офицеров – больше никого не было. Что было удивительно – кабинет главноначальника осаждали с утра до ночи. Олег Васильевич даже порадовался: будет время спокойно разобрать документы.

– Десяти минут вам хватит, господа?

– О, вполне, господин генерал-лейтенант...

– Извольте...

Они прошли в кабинет. Закрыли за собой дверь.

– Что опять произошло? – спросил Олег Васильевич, садясь за свой стол.

– Извольте...

Шубов положил бумагу на стол. Генерал Романов надел очки, вчитался...

– Это что? – спросил он.

Офицеры молчали.

– Я спрашиваю, что это? – Романов отшвырнул от себя бумагу. – Вы что, пьяны?

– Отнюдь, сударь. Это то, что нужно подписать. Ради блага России.

Генерал Романов багровел на глазах.

– Вы... вон! Вон!

– Не нервничайте так, – сказал Латыпов, – просто сдайте командование.

Это был приказ о переводе войск округа на военное положение. Этим же приказом назначался командующий – граф Шубов.

– Вы... вы безумцы! Это же мятеж! Зачем вам это?

– Ну, полагаю, ваше положение несколько не то, чтобы задавать такие вопросы. Учитывая, сколько денег вы были должны и каким образом вы не только погасили свои долги, но и подзаработали, советничая в Кабуле. И это не мятеж, а восстановление законной власти в лице Его Императорского Величества, Императора Павла Второго, – скучным тоном пояснил Шубов. – Настало время прервать незаконную узурпацию власти в стране и призвать...

Да... увы, и Олег Васильевич Романов был замешан в преступные действия тех, кто создал сеть в Кабуле... Человек слаб: двоим дочерям надо учиться в хорошем университете, жена требует новых нарядов, а банк – ежемесячных погашений. После Кабула все эти проблемы были решены. Вот только денежная нечистоплотность – это одно, а вооруженный мятеж против законной власти, измена присяге – совсем другое.

– Вон! – сказал Романов. – Вон!

Офицеры переглянулись. Латыпов достал пистолет с глушителем. Ни одного офицера при входе в здание не обыскивали, а тем более – генерала.

– Последний шанс. Подписывайте. Это ваш шанс – если не выступить с нами, то остаться в стороне, клянусь честью, тогда мы вас не тронем.

– Пошли вон, негодяи! Убийцы!

Латыпов нажал на спуск, прервав фразу на полуслове и отрезая все пути – себе и остальным. Теперь они пролили кровь и отступить уже не могли.

Из большой офицерской сумки граф Шубов достал еще один экземпляр приказа. Достав из письменного прибора перо и листок бумаги, потренировался и вывел подпись, похожую на

подпись генерала Романова. Передал перо Латыпову – но тот отказался, достал свое. Красивым почерком написал: «Контрассигновал генерал-майор Латыпов». Такие приказы были недействительны без контрассигнования...

Затем убийцы принялись спешно наводить порядок в кабинете. Они хорошо понимали – не все так тверды в своем намерении, как они, и некоторые могут впасть в истерику, если увидят мозги предыдущего начальника на стенах. Но граф Шубов в отрочестве тайно почитывал Троцкого, Бакунина, Ленина и знал, что революция питается кровью...

И чем больше крови – тем лучше. Некуда отступить.

Тезоименитство Царское Село. Тот же день

Этот день был днем особенным – днем тезоименитства Ее Высочества, принцессы Ксении, Регента престола и принцессы Правящего дома. На самом деле заговорщики хотели выступить, когда Ее Высочества в Царском Селе не будет, а вот Павел, будущий Император, которому до двадцати одного года осталось совсем немного, – будет. В это было сложно поверить – но очень немногие заговорщики знали план до конца – что делать, если Павел откажется воспринять престол из таких рук? Но граф Шубов и некоторые другие заговорщики знали – добить Августейшую семью и установить в стране Директорию, то есть военную диктатуру.

С двадцати восьми лет – почему-то этот возраст Ее Высочество Ксения Александровна восприняла, как наступление старости, – день тезоименитства она праздновала очень скромно, говорили еще – камерно. За пределами Царского Села не производилось никаких торжеств, в самом Царском Селе каждый его обитатель получал подарок и чек на крупную сумму, собирались только самые близкие Ее Высочеству люди. В этот раз тезоименитство обещало быть скромнее, чем обычно: Ее Высочество надела траур по невинно убиенному графу Толстому. Все знали о ее морганатическом браке и другого просто не поняли бы – а Ксения Александровна всегда внимательно прислушивалась к общественному мнению. И хотя поступала далеко не всегда в соответствии с ним, во внимание брала всегда. Полагаю, если бы в стране существовала представительная демократия и проходили бы выборы, как в бедных САСШ, – ей рано или поздно удалось бы избраться. Даже несмотря на предубеждение против женщин.

О том, что Царское Село уже отключено от всех видов связи, Ксения еще не знала, ей было просто не до этого. Не знала она – и никто другой не знал, – что план заговорщиков выполнен не до конца. Нечего было и думать, чтобы подкупить или переманить на свою сторону Собственный, Его Величества, Конвой или Гвардейский Флотский Экипаж. Не было и денег на подкупы – почти не было...

Торт с единственной свечкой был уже разрезан, в то время как над Царским Селом появились вертолеты: два десантных вертолета «Сикорского» в сопровождении вертолета типа «В80» – ударного вертолета, базирующегося на тяжелых десантных судах и предназначенного для оказания огневой поддержки высадившемуся на берег десанту. Двенадцать управляемых ракет, два блока неуправляемых и тридцатимиллиметровая автоматическая пушка – не авиационная, а под полноценный снаряд, от боевой машины пехоты...

Конечно, Царское Село было прикрыто и с моря, и с воздуха, и с земли. Да только охранники вряд ли могут сделать что-то серьезное против армии. Даже не армии, а морской пехоты, наконецника копья Империи, подготовленных солдат, которые должны высаживаться на вражеские берега под огнем, захватывать плацдармы и вести наступление при подавляющем превосходстве противника. Ничего они не могли сделать...

А здесь – даже не пришлось захватывать пусковые зенитно-ракетных комплексов, дежуривших на страже Царского Села. В вертолетах был запросчик свой-чужой с актуальным кодом на сегодня, а кроме того, был и универсальный комплекс подавления – эти вертолеты предназначались для полетов за линию фронта...

Близкие люди уже поздравили Ее Императорское Высочество. На столе высился ручной работы торт от Конради, на нем скромно горела одна-единственная свечка: все, кто был сколь-либо близок ко двору, знали, что Ее Высочество терпеть не может ничего, что напоминало бы ей о возрасте... – впрочем, обычное дело для женщины. Ее Императорское Высочество, как и было положено по заведенному ей порядку, не только получала подарки на день рождения, но и дарила их. Подарки были, конечно же, дорогими, но без излишеств, как о том писала желтая пресса. Например, иконка в платиновом окладе – дорого, но любой преуспевающий купец может себе позволить точно такое же...

Приглушенный шум вертолетов раздался, когда гости – а эта церемония была только для самых близких – восторгались действительно дорогим подарком, посланным из Европы, князем дома Баттенбергов. Это был небольшой букет цветов, даже маленький. Вот только и облочка, и сами цветы в букете были сделаны из серебра, золота, платины, палладия, а в качестве капелек росы использовались маленькие бриллианты. То был результат недавнего флирта во время европейской поездки – овдовевший глава старинного и родовитого дома Баттенбергов¹⁵ с каждой встречей был все более настойчив...

Княгиня Анастасия Кочубей, сплетница средних лет, первой оказалась у окна. На площадку перед замком опускались вертолеты – настоящие, боевые. Точнее, один из них совершал посадку, другой – держался в воздухе. Были видны пулеметы...

– Боже, Ксень, это же твой... Как романтично... – захлопала в ладоши она.

Ксения Александровна Романова соизволила подойти к окну. Нахмурилась, глядя на вертолеты.

– Ну, скажи же, скажи что-нибудь. И не вздумай нас обманывать...

К сожалению, княгиня Кочубей так держалась со всеми – на грани приличия. По крайней мере, половина великосветских сплетен имели местом своего рождения как раз салон княгини Кочубей на Васильевском...

– Какой идиот... – сказала Ее Высочество, плотно сжав губы, – позер и идиот...

Она все еще хранила обиду.

– Да перестань... – Княгиня Кочубей едва ли на месте не подпрыгивала. – Сейчас нормального мужика днем с огнем не сыскать, а твой... романтик к тому же.

– Романтик... – процедила Великая княгиня, – жить на три семьи – это очень романтично...

К вертолету бежали охранники дежурной смены, у самого вертолета были видны люди в черной униформе.

– Да перестань. Ты просто его отталкиваешь все время, вот он и мечется, бедняжка. Не надо разбрасываться такими мужчинами. Мой-то – только вожжи отпустишь, так он в кафешантан или еще куда...

Ксения Александровна пошла к телефону – приказать, чтобы пропустили. Только ковбойского вестерна на лужайке перед Александровским не хватало...

Через пять минут морские пехотинцы, точнее – разведчики морской пехоты, были уже в Обеденном зале дворца. Немного смущенные роскошью, наличием дам и самой обстановкой дворца, они все же помнили приказ.

– Ваше Высочество...

Ксения кивнула.

¹⁵ Дом Баттенбергов – необычный дом. Он породнен с Греческим и Сербским домами, со старой ветвью дома Романовых (через Алису Гессенскую, Гессен-Дармштадтский дом – морганатическая ветвь дома Баттенбергов). Британская ветвь дома Баттенбергов зовется Маунтбаттенами, из этого рода происходили граф Маунтбаттен, брат короля, вице-король Индии, другие влиятельные политики и аристократы. Так что опасения русской принцессы Правящего дома вполне понятны – через эту связь она прямо бы роднилась с домом Виндзоров, а это сомнительно с политической точки зрения.

– К вашим услугам, офицер. Вы имеете что-то передать?
– Сударыня, капитан Дворжецкий, ваш покорный слуга. Вы должны немедленно проследовать с нами в Кронштадт.
– В Кронштадт, сударь?
– Так точно, Ваше Императорское Высочество. В Кронштадт.
Княгиня Анастасия оказалась тут как тут.
– Он там тебя ждет. Ну же, соглашайся...
– Сударь, вы уверены?
– Ваше Высочество, я абсолютно уверен. Надлежащий приказ, заверенный дежурным офицером.

Господи, какое безумие...

– Это *он* отдал такой приказ? Говорите смелее.
– Ваше Императорское Высочество, не могу знать. Я должен только сказать, что мы должны доставить в Кронштадт и вашего сына.
– Господи, он намерен воссоединиться с вами. Он хочет сделать тебе предложение при сыне! Ну, соглашайся же, соглашайся! – буквально взвыла от восторга Кочубей, представляя, как она будет все это рассказывать и сколько слухов пойдет по Петербургу, и все убедятся, что она ближе к Великой Княгине, чем кто бы то ни было. Воссоединение после двадцати лет разлуки! Он все же не смог забыть!

Конечно же, Ксения предполагала о возможных намерениях Гвардии. Но она знала то, когда и в чем надо рисковать. Она инстинктивно доверяла флоту – именно потому, что адмиралом флота был Александр Воронцов, отец ее сына и ее последняя надежда в борьбе за власть. И она поняла, что решение надо принимать прямо сейчас.

– Подчиняясь вашему грубому насилию, господин капитан... – сказала Ее Высочество, улыбнувшись, – только подчиняясь вашему грубому насилию...

Ветер от винтов трепал волосы. У вертолета она увидела Камсаркани, совершенно взбодраженного, не понимающего, что происходит, и Панкова, начальника смены Личного Конвоя. Панков держал в руках автомат – хотя против торчащего из окна пулеметного ствола автомат как-то... не играл.

– Ваше Высочество, это...

– Все в порядке... – Она через силу улынулась. – Все в порядке, все хорошо.

– Но это... безобразие, деда шено! – начальник Дворцовой полиции от волнения перешел на грузинский. – Произвол!

– Князь Воронцов намерен сделать мне сюрприз. Все нормально...

– Произвол! – не мог успокоиться экспансивный грузинский дворянин.

На зеленой лужайке появился Нико, он бежал в сопровождении двоих морских пехотинцев, с ним был небольшой рюкзачок и еще небольшой планшет – в нем он таскал свой ноутбук. Ее подарок...

– Мама!

В этот момент над дворцом прошел еще один вертолет. Намного меньше, чем эти, хищный, похожий на гоночный автомобиль или на какого-то морского хищника, угловатый, с гроздьями ракет под короткими крыльями...

– Все хорошо, мой дорогой... – Ее Высочество обняла сына, – все хорошо. Мы летим к папе, мой родной.

– Ваше Высочество...

– Конвой мне не нужен, – сказала Ксения, – я вернусь к вечеру...

– Но...

– Это приказ, господа. Кронштадтцы защитят меня.

Морские пехотинцы встали по обе стороны от трапа.

– Ваше Высочество, прошу сюда...

Вертолет был довольно тесный, как и положено быть аппаратам, базирующимся в тесном пространстве корабельных ангаров и палуб. По оба борта находились пулеметчики, их оружие выдавалось казенной частью в десантный отсек, и тут же были огромные короба с патронами, каждый из которых был размером с человеческий палец, если не больше. Еще один пулемет – намного меньше по размерам, пехотный – был на откидном кронштейне в боковом люке, около него тоже пристроился пулеметчик.

Морские пехотинцы привычно заняли свои места...

– *Девять, зеленый, повторяю – зеленый...*

– *Вас понял, взлетайте...*

Было шумно, десантный отсек буквально дрожал от работы мощных турбин вверх. Один из морпехов протянул Ее Величеству наушники, но та с улыбкой отказалась.

Был слышен радиообмен:

– *Девятка, зеленый, курс сто семьдесят, держаться поверхности...*

– *Вас понял, курс сто семьдесят, держаться поверхности.*

– *Коридор чист, над Заливом свободно...*

– *Понял вас...*

Земля в иллюминаторах – или как это правильно называется – слилась в одну дрожашую полосу. Они и в самом деле летели очень низко – как при прорыве линии фронта.

Потом мелькнула полоса яхт и рыбацких лодок. Ксения поняла, что они и в самом деле летят в Кронштадт... наверное. Может, в Гельсингфорс?

– Где мы будем... приземляться?! – спросила она ближайшего морпехотинца.

– Якорная площадь, Ваше Высочество!

Наверное, не врет – если верхние чины и предали, то этот, наверное, не врет, просто не подготовили. Кто там, в Кронштадте – друзья или враги?

Под брюхом мимолетно промелькнул мост Диаметра, потом стали видны корабли. Они заходили со стороны угольной гавани, раньше здесь было достаточно места для линейных кораблей. Теперь у кораблей Первого ранга другая стоянка, здесь – только эсминцы и крейсера УРО.

Вертолеты начали замедляться, задирая нос...

– *Девятка, зеленый, посадка разрешена!*

– *Канонирам, доложить.*

– *Справа, в посадочной чисто.*

– *Слева, в посадочной чисто.*

– *Зафиксировал. Отсчет.*

– *Десять метров! Пять метров! Три метра! Один метр! Касание!*

– *Касание, штатно...*

Канонир расчалил поворотный кронштейн с пулеметом, сдвинул его вперед и в сторону.

– Извольте, Ваше Высочество.

Опираясь на руку одного из моряков, Ксения спустилась на Якорную. Посмотрела... два внедорожника, явно командирские, ждали ее. Офицер с повязкой дежурного шел к ней, четко печата шаг, а подойдя – отдал честь и поклонился, как при первом появлении Высочайшей особы, в пояс. Все подсказывало, что это не мятежники...

– Сударь...

– Ваше Высочество, капитан первого ранга Пащенко прислал машины за Вами. Извольте...

– А где, простите... адмирал Воронцов?

– Ваше Высочество, господина адмирала не было здесь больше месяца.

И снова – как укол ледяной иглой в сердце. Но если начала играть... ее опыт биржевого игрока подсказывал – играй до конца.

– *Постой-ка... Саша, ты, что ли?*

– *Я, брат, я...*

– *Извини, тут у меня...*

– *Не клади трубку. База в боевой готовности?*

– *Да... Утром пришло, учения... Выходим в море.*

– *Слушай меня. Помнишь Севастополь?*

– *Конечно. А при чем тут это?*

– *Пока ты дежурный, Богом прошу – попробуй связаться с Дворцом. Нет, не так – выжили туда морских пехотинцев...*

– *Да ты что. Меня ж за это...*

– *Слушай меня! Дело неладно, понял? Я никого из вас никогда ни о чем не просил, но помогал, чем мог. Теперь – ты мне помоги. Спаси мою семью, понял? Мою семью. Вывези ее в Кронштадт. Им угрожает серьезная опасность – из-за меня. Сделаешь – ты для меня всегда прав, понял?*

– *Да что же ты, Саша, ты за кого нас держишь? Нечто мы позволим Ее Высочество обидеть. Все в лучшем виде сделаем, не сомневайся...*

Ее Высочество Ксения Александровна Романова слушала, закрыв глаза, – и наблюдательный человек мог бы заметить, что под ресницами этой еще не старой и все еще очень привлекательной женщины набухают слезы. Но она не смела плакать. Не смела никому показать, что она просто женщина. Даже сейчас. Тем более – сейчас.

Ей вдруг подумалось, как глупо все получилось. Неправильно и глупо. Когда ей сказали, точнее – донесли, что ее кавалер нашел себе новую пассию – там, в Бейруте, – сначала она не поверила. Начала осторожно выяснять – оказалось, правда. После этого ничего не могло быть как прежде. О, гордость, знает ли кто-нибудь разницу между тобой и гордыней – одним из семи смертных грехов...

Сначала она хотела кого-нибудь убить – или его, или ее. Потом – ее выгнали из страны, как потенциальную террористку и заговорщицу... она мстительно усмехнулась, тогда – мол, получай, милый. Она ждала извинений – возможно, даже не на коленях, – но вместо этого он пропал... и она поняла, что ему на нее плевать. Куда он пропал – она не знала.

Потом он вернулся, и она приняла его... но каждый раз она представляла себе его с этой тварью... или с другими... наверное, он тоже представлял себе ее. Тем более что она не раз пыталась забыть... только не получалось ничего. А потом – появилась эта персидская тварь, проститутка... и он снова предал ее. Мало того, ее и брат предал.

Да, предали. И она имела право мстить за предательство. Но почему тогда – так плохо?

Почему всегда, когда ей по-настоящему плохо, когда ей угрожает опасность – он всегда на ее стороне. Господи... лучше бы он предал окончательно... не пришлось бы терзаться. Но вместо этого...

Она вдруг поняла, что любит его. Любит, как никогда никого не любила. И сходясь с Толстым, с другими... она вдруг поняла, что подсознательно желала стать грязной... развратной, чтобы он навсегда отрекся от нее. Теперь, когда Толстой был мертв, она вдруг поняла, как мерзко все это было. На самом деле мерзко. Стареющая дама и молодой ловелас... понятно, что ему на самом деле было от нее нужно. Она вдруг поняла, как, наверное, она пала в глазах сына... Господи, она кляла его, как могла, за ту историю с этой... Летицией или как там... А сама она... хороша, нечего сказать – нашла себе жиголо. Как на это смотрел весь двор... армия... простые люди! Она делала как можно хуже... себе... всем. Господи, да если бы она осталась просто одна и не пыталась... она выглядела бы более достойно, чем сейчас...

Пусть бы все знали, что и Ее Высочество может любить безответно.

Хотя – а почему безответно?

Все время она что-то от него хотела, на что-то претендовала, срывала свою злость, использовала его, как манекен для битья: мне больно – на тебе! На тебе еще раз! Пусть и тебе будет больно!

Что и когда она ему дала? Даже когда родился Нико, она старалась ограничить общение родного отца с сыном. Хотела, чтобы он вырос не таким...

А каким?! Трусом, как он тогда сказал? Неужели и в самом деле – трусом?

Нет, конечно, не трусом. Цивилизованным человеком. Который будет сидеть в банке – а не в каком-нибудь грязном... Кабуле, стараясь выжить. Который будет... управляющим крупного банка... министром... а почему бы нет? Кем-то, что зарабатывает деньги в тишине кабинета, у кого жена и дети и кого не погребут под троекратный залп в Кронштадте...

– А сама-то ты смогла бы полюбить такого? – ехидно осведомился чей-то голос свыше.

Нет...

Все что у нее есть – это прожитая жизнь. Испорченные годы...

– Ваше Высочество, извольте...

Она вдруг поняла, что ни черта не слушает то, что ей говорят.

– Да, да, продолжайте. Кстати, извольте объяснить... я так и не поняла. Какого рода опасность мне, по-вашему, угрожает...

Пащенко закусил губу... потом решительно снял трубку телефона.

– Извольте, Ваше Высочество. Попробуйте телефонировать в Царское Село.

Ксения взяла трубку, машинально отметив, какая она большая, старая и несовременная... клавиатура была прямо на трубке, между микрофоном и динамиком. Она набрала номер собственного присутствия, со все возрастающим изумлением и недоверием вслушиваясь в гудки. Набрала еще раз – то же самое. Тогда она набрала номер дежурного офицера в Зимнем.

Там и вовсе была тишина. Даже не было гудков, что занято.

– Что... – голос изменил ей, – что происходит?

– Мы должны были уйти на большие учения совместно с Флотом открытого моря. Внезапная проверка готовности. Отрабатывать проводку караванов в условиях активного противодействия. С утра отключили все виды связи, мы – как на необитаемом острове. Я вспомнил, что мне сказал... адмирал Воронцов, и на свой страх и риск осмелился послать за вами. И максимально задержал отправку ордера – насколько мог.

Ксения пристально взгляделась в лицо офицера: когда ей надо было, она умела это делать.

– То есть, корабли не ушли? – спросила она.

– Никак нет, Ваше Высочество, не ушли...

– И на них есть вооружение?

– Конечно, Ваше Высочество. Любые ходовые учения подобного рода сопровождаются боевыми стрельбами.

– О какого рода кораблях идет речь?

– Полный авианосный ордер, Ваше Высочество, возглавляемый авианосцем «Александр Третий». Восьмая дивизия эсминцев, самая подготовленная на флоте. Два судна-матки – «Держава» и «Гавриил». На каждом – по шесть скоростных катеров, по десять лодок с жестким днищем и катерные команды спецназначения.

Что такое «катерная команда спецназначения», Ксения представляла себе слабо. Но помнила, что спецназ в любом роде войск – это наиболее подготовленные, элитные части и предназначены они для активных действий в мирное время и в условиях особого периода...¹⁶

¹⁶ Предвоенное состояние, объявляется особым сигналом. В РИ – условный сигнал «Набат». По этому сигналу войска получают боекомплекты и покидают военные городки, чтобы рассредоточиться на местности. Принимаются меры по защите

Так что у нее в руках была целая флотская армада...

Но додумать эту мысль она не успела – с грохотом и шумом ворвался адмирал Иконников, командующий Флотом Атлантического океана. Кричать он начал еще в коридоре.

– Капитан первого ранга, это...

Он осекся на полуслове, увидев Ее Высочество.

– Александр Иванович... – Ее Высочество широко распахнула глаза, подходя ближе, – рада вас видеть... Как Ивонна Николаевна поживает? Внуков еще не нянчит?

Надо было видеть сейчас принцессу – еще в детстве она могла выпросить у отца все что угодно, искусно чередуя истерики, обещания и просительный взгляд. Это искусство она оттачивала на своих близких тридцать лет – и сейчас могла уговорить собаку уйти из мясной лавки.

– Никак нет-с... Весьма польщен. Что помните нас... – растерялся адмирал.

– Ну, как же. Я помню Александру – такая красивая девочка, вся в мать. Отправьте ее к нам во дворец, мы ей быстро подыщем партию...

– Непременно-с...

Ксения закончила с любезностями, расчетливо отдавая инициативу мужчине.

– Осмелюсь спросить, Ваше Императорское Высочество, чем мы обязаны столь высокой чести незапланированного визита...

– О, сударь, я думаю, вы прекрасно знаете мои обстоятельства. Когда я увидела вертолеты, то грешным делом подумала, что один из моих давних воздыхателей окончательно потерял голову. Но его здесь нет, я жестоко обманута, а капитан первого ранга Пашенко докладывает мне ужасные вещи...

– Капитан первого ранга Пашенко, доклад!

– Есть, господин адмирал. Потеряна связь с Зимним дворцом и с Царским Селом. Средства разведки флота фиксируют значительно возросший обмен военного министерства с округами, а также передвижение гвардейских полков в районе большого Петербурга. Капитан первого ранга Пашенко доклад закончил.

Адмирал нахмурился.

– Что все это значит?

– Господин адмирал... – Ксения решила, что настала пора для завершающего удара, – на днях у меня были гвардейцы. Они были так грубы. Говорили, что я предаю память своего брата и отца. Представьте – они требовали досрочно отказаться от регентства!

Удар достиг цели. Адмирал взревел потревоженным охотниками медведем.

– Что?! Да как можно-с... Сапоги дырявые, хамло беспородное, да мы их в порошок! Офицерам штаба, внимание! Боевая тревога! Где авианосный ордер?!

– Пятьдесят миль от берега, походный порядок.

– Выстроить боевым порядком, удаление от берега сил охранения на десять миль! Блокировать побережье, чтобы ни одна мышь не проскочила! Авианосцу поднять усиленную группу прикрытия в воздух, установить боевое дежурство над сводной группой и над Кронштадтом! Личному составу флотских баз в ружье выдать двойной боекомплект! Выставить посты на Диаметре, сводный доклад по обстановке мне каждые полчаса. Так, вы, Берген, – готовить абордажные команды! Так, вы, Пашенко – связь с генералом, графом фон Бредау, немедленно! Если глушат, пошлите нарочного, пусть поднимает морскую пехоту! Действуем, действуем! Времени нет!

Офицеры бросились за работу.

– Не извольте беспокоиться, Ваше Императорское Высочество. Эти щеголи гвардейские... они еще не знают, кто такие моряки. Давно сапогом в зубы не пробовали... так мы их угостим... до крови угостим... я лично угощу. Ох... простите, вырвалось...

– Да ничего... – Ксения улыбнулась. – Я все-таки жила с настоящим мореманом...

Последнего – можно было и не говорить. Флот был у нее в руках – и силы стали как минимум равными...

Казармы Павловского гренадерского полка. Тот же день

Не последнюю роль в успехе переворота должна была сыграть Гвардия – гвардейские полки, расквартированные в самом городе.

У гвардейских полков – за редким исключением – было славное прошлое и никакое настоящее, что многим не нравилось. Их деградация началась еще в двадцатые, когда страну кидало то влево, то вправо, и люди не знали, чего бояться – то ли правого военного переворота, то ли левого рабочего мятежа, инспирированного эсерами. Его Величество, Император Николай, которому в ту пору угрожали едва ли не открыто, считал гвардию ненадежной. У Царского Села была введена ротация охранных полков, причем полки брали из числа тех, кто брал Восток – они были меньше подвержены воздействию пропаганды. Гвардейцев это мало устраивало.

Потом маятник качнулся обратно. Теперь Гвардия считалась таким «дворянским потешным войском» – местом, где можно служить красиво и без особого риска, в пределах Санкт-Петербурга и округа. Но тут встал другой вопрос – люди, которые постоянно в столице, которые подвержены разлагающему влиянию желтой прессы и интеллигенции, могут задумать что-то совсем недоброе.

Сначала планировалось даже не сообщать ничего солдатам. Просто офицеры должны были показать, что они контролируют ситуацию, и вырвать отречение. На крайний случай – были несколько надежных частей из Афганистана. Их переброской и задействованием должен был заниматься Наследник Бухарский: если бы не распускал руки на женщин – то и занимался бы.

Итак, почти сразу офицеры оказались перед необходимостью пропагандировать солдат, чтобы поддержали их. Поддержали в очень опасном предприятии.

Павловцев, как и других гренадеров, набирали в основном из казаков, правда, в Павловский полк отбирали невысоких и курносых, в память о Павле Первом. А казаки были не из тех, кому дай, он и прожует. Лихие люди были.

Примерно в восемь часов утра, когда стало понятно, что Наследник Бухарский убит в своем доме и рассчитывать на части из Средней Азии нечего (а деньги пропали до этого, и теперь оставался только кнут в виде шантажа) – в полк приехали офицеры из числа заговорщиков. Их встретил командир полка, тоже состоявший в заговоре, и тоже – поимевший отношение к грязным деньгам из Кабула. После коротких переговоров полк выстроили на плацу.

– Здравия желаю, павловцы!

– Здра жлаем гос гнрал!

За такое приветствие – на флоте можно было угодить на гауптвахту, но пехота считала, что это «круто». А Гвардия – по сути, была пехотой.

– Павловцы! Вояки! Вы слышите меня?!

– Так точно!

– Я вас не слышу!

– Так точно!!!

– Настало время, павловцы, постоять за Россию! Узурпаторы...

А среди павловцев стоял в общем строю лейб-гвардии прапорщик Тимофей Подлясных. Он был не казаком. И более того – если бы контрразведка работала повнимательнее – вряд ли бы он попал даже в армию. Не говоря уж о том, чтобы в гвардию.

Он был сыном священника, но по взглядам – законченным разночинцем, то есть негативистом, провокатором и потенциальным бунтовщиком, то есть человеком, который в любой взрывоопасной человеческой массе запросто сыграет роль детонатора, первым крикнет – бей! А «негативист» означало то, что взгляды у Подлясных и на власть, и на Престол, и вообще на страну были сугубо негативными. Это вообще родовая черта разночинцев – они живут в печали, неустроенные, и злы на весь мир за то, что остальные не следуют их примеру, а просто живут. Для них, образно говоря, Австро-Венгрия не то место, где жил и творил великий Моцарт, а то, где его отравили. Во всем они упорно ищут негатив, и во всех проблемах обвиняют кого угодно, кроме себя самих. При этом у них часто острый, изворотливый, цепкий ум, который очень даже может пригодиться, если только тебе удастся достучаться до каких-то глубинных слоев личности разночинца и приставить его к делу.

В армию он пошел по совету, потому что отслужившим в армии полагаются немалые льготы – так что пошел добровольцем. В Гвардию он попал из-за своей внешности – среднего роста, курносый блондин, как и положено для Павловского полка. А здесь – он пригодился командиру, которому надо было, чтобы кто-то писал бумаги и приглядывал за хозяйственными делами... как и в любом полку их было достаточно, а для боевого офицера хозяйственные дела – сушая мука. Вот он и приглядывал... и прижился в полку, подписал первый контракт и благодаря высшему образованию стал прапорщиком, то есть пошел по офицерской лестнице. Хотя армию он тоже недолюбливал и к положенному порядку относился скептически.

Как только он стал офицером, командир принял еще одно, скорее всего, неверное решение – поручил ему проводить политинформацию. Сейчас, в век, когда телевизор можно смотреть на ходу на экране мобильного коммуникатора, а Интернет настолько доступен, что бесплатный доступ по всему Невскому – наверное, политинформация была глупостью. Но солдаты из обилия информации выбирали совсем не то, что положено: смотрели футбол, украдкой скачивали порнуху. Так что кто-то должен был доводить необходимый минимум. Вот его и доводил Подлясных, а солдаты называли его меж собой, как обычно и бывает в таких случаях, – Сказочник.

Но сейчас – он едва ли не первым почувствовал неладное. Это что такое? Что за выступление? Куда? Почему? И что за слова – про угрозу Державе?

Какая, к черту, держава?! Угроза державе – дубинноголовые у трона, а сам трон прогнул насквозь. Право, неудобно бывает – выехал на вакацию, а там на тебя смотрят, как на лапотника из немытой России...

Что есть, то есть – не удавались у Подлясных вакации. И дамы косо смотрели. Фигура так себе – физминимум сдавал еле-еле, после контрольных пробежек лежал как убитый. Да и к гигиене прапорщик имел самое отдаленное отношение... не замечали, почему-то от разночинцев постоянно пахнет чем-то неприятным. Даже от рабочих так не пахнет...

А эти... ох, что-то врут. Ох, врут. Вон – стоит, перчатки как мнет – нервничает. Неладно что-то. А он не дурак – голову в петлю совать. Нет, это – без него, господа...

И заговорщики были... настоящими дубоголовыми. Гвардия, одно слово. Посадили бы утром в машины, да и вывезли бы в город... и кто бы чего сказал? Солдату – дело телячье, посадили в машину, он сел и поехал. Так нет, распропагандировать решили, придурки. Пропагандисты хреновы.

Так что они проиграли еще до начала. Хотя и не понимали этого.

– Господин генерал! – крикнул он, улучив момент. – Вопрос!

И все замерли. Генерал посмотрел в ту сторону, откуда раздался крик – с недоумением...

– Говорите!

– А письменный приказ выступать есть?!

Вопрос хороший, конечно. Первый, который надо задавать в таких случаях.

– Конечно, есть. Кто желает – извольте выйти из строя, ознакомиться.

Чувствуя на себе взволнованное молчание строя, Подлясных вышел. Полковник, смотревший на него волком, протянул бумагу.

– Попомнишь у меня... – едва слышно сказал он.

Отступать было некуда.

– А почему это подписано Шубовым?! – крикнул он так, что услышали все. – Разве не господин генерал Романов начальник Петербургского военного округа? Что это все значит?! Где подпись генерала Романова?

– Арестовать! Полковник Суходольский, исполняйте.

– Есть!

Но не успел полковник Суходольский и пара солдат военной полиции вмешаться – Подлясный закричал благим криком:

– Товарищи, это мятеж! Нас же на Дворцовую ведут!

– Арестуйте этого провокатора! – вышел из себя генерал.

Суходольский и двое из военной полиции схватили Подлясного, тот вырывался и кричал, строй немо молчал, и все было уже очень плохо. Они попытались повести его к штабу – и тут ефрейтор, со значком Георгия четвертой степени на груди, заступил полковнику дорогу.

– Извиняйте, Ваше Благододие, но вы нам по-простому разьясните – это правда, что ли?

– Что именно – правда? – сухо спросил командир полка.

– Ну, то самое, что Сказочник сказал. Он, конечно, человечешко-то плюгавый, да и мы не без головы. А супротив власти мы выступать несогласные, так и знайте. Нет, несогласные...

И толпа зашумела. Пока глухо – но зашумела. Слово «несогласные» услышали все.

– Зачем же нам против власти выступать, – заговорил ефрейтор уже громче. – Жалованье идет, службу мы, как положено, справляем. А если ж говорить про Его Высочество, так то другое дело. Пусть нас выстроят, как положено, присягу примем. Тогда уж мы как положено – и в огонь, и в воду. Я так говорю, солдаты?

И сразу с нескольких мест закричали: «Да, да, дело говоришь», потому что мыслишка, что что-то неладное происходит, закрадывалась в голову у многих, и многие, по здравому размышлению, считали, что лучше бы держаться от всего этого подальше. Требование от офицеров объясниться – в такой ситуации вполне законное, а напоминание про присягу – тем более. Присягу – пока организуют, как положено, ведь это время пройдет. Может, и пронесет...

– Вы смеете неповиноваться?! Вы – Гвардия, наконецник копья!

– Так-то оно так, – в словах ефрейтора была виноватая непреклонность, – да только на копье бросаться, чтобы самоубиться, мы не желаем.

Генерал сошел с трибуны. Встал перед строем.

– Стыдитесь, павловцы. Кого вы слушаете? Разночинского провокатора, затесавшегося в ваши ряды, да парочку паникеров. Или меня, боевого генерала.

Вперед шагнул один из унтер-офицеров.

– А вы нас в бой не вели, господин генерал.

– Кто еще так думает?

Военные полицейские, очень небольшая группа, прибывшая с заговорщиками, уже поняла, что плохо дело. Они обязаны были поддерживать закон и порядок, но их было всего четверо, а против них – в несколько сот раз больше...

– Я... – шагнул вперед еще один унтер-офицер.

– И я... – Чернов, уважаемый всем полком, побывавший в Персии. – Неладно что-то, братцы, вот вам крест, неладно...

– Да я вас... под арест, – выкрикнул Суходольский.

Напрасно.

– Наше дело малое. А сами на такое дело не пойдем...

Вперед шагнул еще кто-то, потом еще.

– ...да и вас не выпустим!

Хлопок выстрела потерялся в гуле гвардейской толпы, а через секунду толпу прорезал полный боли и ярости крик одного из гвардейцев.

– Сашку убили! Брата мово!

Это и стало последней каплей – солдатская толпа с ревом бросилась на офицеров и стала их убивать...

Потом – Высшее Военное Присутствие минимальным перевесом голосов признает солдат, расправившихся с начальниками, невиновными, указав, что, несомненно, имевший место со стороны начальников умысел на вооруженный мятеж и выступление против Престола сам по себе – настолько опасное деяние, что ради недопущения этого позволительно принять любые средства, пусть даже и в нарушение установленного порядка чинопочитания, когда как другими средствами остановить мятеж невозможно.

Санкт-Петербург. Тот же день

Далеко не все поступили так, как павловцы.

Полностью поднялся элитный Преображенский полк. Полковник Преображенского полка, граф Шубов, пользовался непререкаемым авторитетом среди однополчан. Комендантские роты. Военные части, расквартированные в Финляндии, целая дивизия. Моментально заволновалась едва замиренная до этого Польша. Поднялась часть жандармерии – ох, не просто так убили Ахметова. Осторожный и хитрый татарин не стал бы ни на чью сторону и другим бы не дал, а двое из троих командиров жандармских частей, расположенных рядом со столицей, были назначены из армейских офицеров, обладающих реальным боевым опытом. Где они его получили – надо говорить?

Столица – можно было сказать, что и столица, и окрестности находились под контролем заговорщиков. Сейчас только оставалось – лихорадочно поднимать армию.

На этом хорошие новости заканчивались.

Стало понятно, что действительно исчез граф Сноудон, имеющий прямой выход на Его Величество, Эдуарда Девятого, Короля Англии. Только по этому, прямому и нелегально действующему, каналу можно было получить помощь – в частности, задействовать оперативные группы САС и СБС, которые в ближайшее время должны были прибыть в Гельсингфорс, Ревель, некоторые другие города под видом яхтсменов и туристов. Сейчас пытались наладить связь с британским посольством, но британцы относились к подозрительным русским с вполне понятным недоверием. Оно и понятно: объявить персонами нон-грата и выслать весь персонал посольства, а то и разорвать дипломатические отношения за пособничество мятежу – у русских ни разу не заржавеет. К тому же в британском посольстве просто не знали о готовящемся заговоре: это было единственным приемлемым решением. Посольство постоянно прослушивалось, там могли быть агенты русской разведки, любой младший дипработник мог что-то подслушать или скопировать и выдать за большие деньги русским. Любой контакт британского дипломатического работника с русским старшим офицером моментально стал бы предметом серьезного скандала. А ведь нарваться можно не только на контрразведке: какой-нибудь фоторепортер снимет – и все. Или любопытствующий – сейчас у каждого сотовый, а в сотовом и фотоаппарат, и видеокамера. Перед тем как пропасть, граф Сноудон передал сигнал тревоги и условный сигнал «лечь на дно» – вот только лечь на дно никак не получалось. Те, кто участ-

вовал в заговоре, думали, что на них спустили убийцу – может, убийц – и старались спастись. Обстановка была бестолковая и нервная.

Все договоренности по Средней Азии оказались липой. Смерть Алим-бека ничего не меняла бы, скорее, наоборот – за него захотели бы отомстить, и очень многие. Но дело было в другом – поутру начали поступать сообщения о массированных террористических атаках в Туркестане. Целью террористов были аэродромы, способные принимать тяжелые самолеты, и становилось понятно, что это тоже контрмеры врага. В связи с антитеррористическими мероприятиями ограничивались полеты вообще, части задействовали на заградительных мероприятиях, прочесывании местности, защите жизненно важных объектов. А затем уже командиры частей, с кем была договоренность, видели, что что-то идет не по плану, и решали отсидеться в стороне, в тишине. Если ты привел свою часть в столицу без приказа – это само по себе мятеж, даже если ты ничего не сделал. А если ты сидел на месте и сопел в две дырочки – в чем бы тебя потом не обвиняли – это все вилами на воде писано. Кто, с кем, где служил, кто о чем договаривался – это все доказывать надо, а фактов нет.

Раскололась легендарная шестьдесят шестая. Это была элитная дивизия – там служил, еще будучи Наследником, Его Императорское Величество Николай Третий. Слова о том, что права на трон его сына узурпированы, подняли дивизию на дыбы. Но часть офицеров, причем значительная часть, поднялась против выступления, и в итоге все свелось к гневной перепалке с хватанием за руки и угрозами.

Гвардейский мятеж уже ощутимо трещал по швам.

Заговорщики так и оставались в штабе Петроградского военного округа – благо именно в этом здании был запасной узел связи военного министерства. Именно отсюда они связывались с дивизиями, бригадами, отдельными полками, звонили на квартиры различным начальникам. Просили, агитировали, перезванивали по сотовым и открыто угрожали. Главным было – заставить присоединиться к челобитной на имя Регента Престола, которое начиналось со слов «Верноподданные слуги ваши», а заканчивалось требованием прервать Регентство в пользу Военного Совета и дать народу ответственное правительство. Тому, кто поставил под этим подпись – пути назад уже не было...

Примерно в десять ноль-ноль следующего дня к зданию Петербургского военного округа – подъехала правительственная «Чайка» из гаража Государственной Думы. Таких там было много – но эта отличалась скромным черно-желто-белым штандартом, что значило, что в машине был сам Председатель Государственной Думы, член Политсовета партии конституционных демократов, доктор юридических наук, профессор Преображенский...

Это была глыба в современной российской политике и современной науке. Расчетливый интриган, притом никто не мог сказать, что он был плохим юристом, адъюнкт-профессор МГУ, член Ученого совета ИАН¹⁷, один из авторов нового Гражданского уложения, ученый-цивилист, прошедший десятки бюрократических баталий, возглавивший Думу как кандидат, вызывающий наименьшее отторжение из всех – он был хитер как лиса. А начиная как специалист по римскому праву, он читал немало классических трудов и прекрасно понимал природу власти Империи. Основой было то, что Император, обладая абсолютной властью, все-таки вынужден был править, опираясь на благожелательное согласие подданных, потому он вынужден был делать то, что нравилось подданным или, по крайней мере, не вызывало у них отторжения. Так что роль Думы была намного важнее, чем это принято было считать. Пусть по закону Император мог без объяснения причин отклонить любой закон, вышедший из стен Думы, а также распустить Думу и на довольно длительное время не назначать пере выборы – в реальности все было по-другому. Дума представляла собой барометр общественного мнения и одновременно

¹⁷ Императорская академия наук.

служила клапаном для спуска пара. И Император – по крайней мере, все последние Императоры – научились виртуозно использовать Думу в самых разных целях.

Дума позволяла выявить талантливых, а самое главное – умеющих нравиться народу политиков. Не счесть депутатов Думы, которым предложено было кресло министра, главы департамента, начальника управления СЕИВК, посла в зарубежных странах. Отклоняли такие предложения редко – за ними была реальная власть. Император внимательно следил за Думой и людей, которые ему нравились по деловым качествам или совпадению взглядов, пытался переманить к себе.

Был и отрицательный отбор. С откровенной злобой адъюнкт-профессор смотрел на некоторых своих коллег-депутатов и думал: «Господи, что они делают? Неужели они не понимают, что творят?» Не проходило и дня, чтобы в кулуарах Думы не заведились бы разговоры об ответственном правительстве, о реальной власти, о всяком прочем... но разговоры разговорами, а что на деле? Лидер эсеров в прямом эфире во время дебатов кинул в собеседника стакан. Один из депутатов-монархистов поступил еще проще: ударил в ресторане человека ногой по голове. Господи, ногой по голове, до чего дожили-то! И кстати, монархисты лишили его мандата. Третий депутат с удовольствием поучаствовал в полуночной передаче о сексе, наговорив там такого, что его долго склоняли по всей стране. Четвертый, пятый... Каждый такой скандал с удовольствием муссировался прессой, пока не случался еще более громкий. И на всем этом фоне Его Императорское Величество выглядел достойным и скромным человеком, со своими достоинствами и недостатками, но при этом с ответственностью, четким осознанием своей роли в жизни страны и общества. Ну да, Николай Третий позволил себе... немного лишнего в семейных отношениях. Было дело. Но ему и в голову не пришло участвовать в пикете в защиту прав содомитов, как это сделал один из его депутатов.

Проблема была еще и в том, что Его Императорское Величество был один, и даже если бы и хотел, не смог бы подать столько информационных поводов, сколько триста пятьдесят депутатов, почти каждый из которых вел себя, как свинья, дорвавшаяся до кормушки.

А люди видели это. Читали. Делали выводы. И главный среди них – нет, нам такого не надо...

Адъюнкт-профессор мечтал о чем-то вроде римского Сената. С суровым имущественным цензом для того, чтобы избирать, и еще более суровым и имущественным, и образовательным цензом – для того, чтобы быть избранным. Об этом он никогда ни словом, ни полсловом не заикнулся перед избирателями – но мечтал он именно об этом. О мраморных скамьях Колизея и исполненных достоинства сенаторах, произносящих чеканенные в граните речи, каждая из которых должна была войти в историю. Совсем не о той речи, которую на прошлой неделе произнес скандальный депутат Крестовоздвиженский, закончив ее паническим криком «Караул!», от которого вздрогнул весь Президиум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.